

Инна Инфинити

Сводный брат бесит

<https://litres.ru/74413593>

Аннотация

Вот так встреча! Явился. Не прошло и четырех лет. Вымахал под два метра, возмужал. Красивый, сволочь. Рассматривает меня так же пристально, как и я его. — А ты изменилась, — констатирует, пялясь куда-то в район моей груди. Издает легкий смешок, и на его щеках тут же выступают ямочки. — Дети, вы уже встретились, очень хорошо, — в зал врывается мама под руку с... ЕГО ОТЦОМ! — Маша, Данил, — начинает Сергей Юрьевич. — Мы с Анжелой решили оформить наши отношения. Вы теперь брат и сестра. ЧТОООО????

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	20
Глава 4.	26
Глава 5.	30
Глава 6.	38
Глава 7.	46
Глава 8.	53
Глава 9.	60
Глава 10.	68
Глава 11.	74
Глава 12.	85
Глава 13.	92
Глава 14.	103
Глава 15.	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Глава 1.

— Дорогая, ты выбрала неподходящее платье, — мама хмурит брови, придирчиво меня рассматривая. — Я же говорила тебе надеть то шелковое.

Я еще раз бросаю на себя взгляд в зеркало. На мне обычное сиреневое платье по колено. В меру праздничное.

— Я не понимаю, почему должна вырядаться на день рождения нашего соседа, с которым мы здороваемся через раз.

Поворачиваю голову к маме. Сама же она оделась в свое самое лучшее и самое дорогое дизайнерское платье: ярко-красное в пол с наполовину открытой спиной, купленное когда-то в бутике в Париже. Ему Бог знает, сколько лет, но надевает его мать в исключительных случаях.

День рождения нашего соседа Сергея Юрьевича Громова — тот самый исключительный случай!?

— Маша, — строго начинает мать. — Быстро переоденься в то платье! Это никуда не годится.

Родительница пересекает мою комнату и открывает шкаф. Достает из него шелковый наряд цвета пыльной розы. Я тяжело сглатываю. Это платье купил мне папа, два года назад в преддверии своего дня рождения. Я как один раз тогда его надела, так больше из шкафа и не доставала.

Отец погиб через месяц, и почему-то именно это платье ранило меня сильнее всего, когда я на него смотрела. Просто

вспоминала, как папа повез меня в ЦУМ и пообещал купить мне любое платье, которое я выберу, каким бы дорогим оно ни было.

— Давай, снимай с себя это убожество.

Я делаю глубокий вдох и повинуюсь. Не хочу сейчас ругаться с мамой. Да и платье... Это ведь просто платье. Есть гораздо больше вещей, которые напоминают о папе.

Родительница застегивает на моей спине молнию и расплывается в довольной улыбке.

— Вот теперь ты выглядишь, как надо! И прическа красивая, и макияж.

Еще бы! Мать сегодня наняла специального стилиста, который нас собирал.

— Я по-прежнему не понимаю, что нам с юбилея этого соседа.

— Машенька, сегодня очень важный день! — мама как-то загадочно улыбается.

— И чем же он важный?

— Скоро узнаешь! Пойдем, уже пора.

Мы спускаемся на первый этаж и выходим из дома. За воротами я слышу гул автомобиля, что меня удивляет. Мама заказала такси? До особняка Громова идти всего минут десять.

— Сергей Юрьевич прислал за нами машину, — поясняет родительница, будто читая мои мысли.

И снова на ее лице загадочное выражение. Я открываю ка-

литку и действительно вижу «Мерседес» представительского класса.

— С каких это пор Громов присылает за нами машины?

— Садись, — указывает глазами на заднюю дверь.

Я послушно залезаю в салон. Мама обходит автомобиль сзади и садится рядом. Весь ее вид говорит, что она что-то задумала. Я пристально рассматриваю родительницу, пытаюсь отгадать, что за спектакль она устроила. Надела новое бриллиантовое кольцо, неизвестно откуда взявшееся. Раньше его не было. А вчера целый день провела в спа-салоне.

Что-то тут неладно...

Загадочная улыбка не покидает ее физиономию, пока мы не доезжаем до особняка Громова. В нашем элитном подмосковном поселке его дом — самый роскошный. За большими воротами уже шумит музыка и слышен смех. Мама уверенно заходит во двор, я плетусь следом за ней.

Попав в уложенный красивой плиткой двор, чувствую, как учащается мое сердцебиение.

Спокойно, Маша. Прошло четыре года. Ты уже не тридцатилетняя сопля.

— А вот и вы! — навстречу нам, улыбаясь до ушей, вышагивает Сергей Юрьевич Громов. Не знаю, сколько лет ему сегодня исполнилось. Выглядит хоть и молодо, но, например, волосы уже тронуты сединой. Думаю, ему лет 45-50.

Мужчина приобнимает маму за талию и целует в щеку, задерживаясь на ней губами чуть дольше положенного.

— С днем рождения, Сережа, — как-то уж слишком ласково мурлычет мать, что сильно режет мне слух. — Подарок я тебе попозже вручу.

Сергей Юрьевич расплывается в еще более широкой улыбке, хотя шире уже некуда, берет мамину ладонь и подносит ее к губам. Затем поворачивается ко мне.

— Машенька, как я рад, что ты тоже пришла! — зачем-то обнимает и меня.

— С днем рождения, Сергей Юрьевич, — лепечу, смущенная таким радушным приемом. Тут помимо нас еще человек двести. Он всех обнимает и целует? — Желаю вам счастья и успехов!

— Спасибо, Машенька! — оглядывает меня с головы до ног. — Такая ты красавица стала! Помню, как ты с моим Данькой на велосипедах гоняла по улицам.

При упоминании о сыне Громова по позвоночнику проходит неприятный холодок, а где-то в груди начинает шевелиться плохое предчувствие.

Да, у меня определенно плохое предчувствие...

Ни Сергей Юрьевич, ни мама не замечают моей заминки.

— Анжелочка, — обращается Громов к матери. — Пойдем, я представлю тебя кое-кому. — И оставляя меня стоять одну, они удаляются, о чем-то тихо переговариваясь.

Я провожаю их взглядом, уже вообще ничего не понимая. Какой-то сюр. Наш самый богатый сосед празднует юбилей, созывает на него всю округу, но присылает своего личного

водителя именно за нами, да еще и встречает с объятиями и поцелуями. И это при том, что раньше он с нами почти не здоровался.

Плохое предчувствие усиливается.

Обвожу глазами двор и сад. Все тот же фонтан, все те же яблоневые деревья, все та же беседка... Я не переступала порог этого барского имения четыре года. И никогда бы снова сюда не вернулась, если бы мать не потащила меня на юбилей Громова.

Ноги почему-то не несут меня в шатер, где вовсю идет празднование дня рождения. Я набираюсь наглости и захожу в дом. По ушам тут же бьет тишина: с улицы в помещение не проникает ни звука.

Здесь ничего не изменилось за четыре года. Большой кожаный диван, на котором я однажды уснула, когда Данил отлучился за новой порцией попкорна и чипсов к нашему просмотру комедии. Круглый стол, за которым мы с Данилом иногда вместе делали уроки. А из тумбы под плазмой выглядывает игровая приставка, в которую мы рубились.

Гостям, наверное, нельзя заходить в дом, но я не могу заставить себя выйти на улицу. Пересекаю большую гостиную, сворачиваю в знакомый коридор и дохожу до двери в конце.

С грохочущим сердцем опускаю ручку и оказываюсь в белоснежном зале. Он такой же: зеркальный мраморный пол, пятиметровые потолки, а посередине большой черный рояль. И все. Больше здесь ничего нет.

Стук моих шпилек отдается эхом в этом огромном пустом помещении. Я дохожу до рояля и останавливаюсь у него. Заботливо провожу рукой по деревянной черной поверхности.

Пальцы меня не слушаются, и я нажимаю несколько клавиш, разнося мелодию по всему помещению.

— Вы кто!? — раздается грозный голос у меня за спиной. Я резко замираю, как вор, пойманный во время кражи. Стук сердца учащается, ноги деревенеют.

— Я еще раз спрашиваю, кто вы и зачем вошли в дом!? Что-то в этом злом голосе кажется мне смутно знакомым. Я оборачиваюсь и вижу напротив себя парня в классическом костюме. Приглядываюсь к нему и столбенею...

Вот так встреча!

Явился. Не прошло и четырех лет. Вымахал под два метра, возмужал, раздался в плечах.

Красивый, сволочь.

Рассматривает меня так же пристально, как и я его.

— А ты изменилась, — констатирует, пялясь куда-то в район моей груди. Издаёт легкий смешок, и на его щеках тут же выступают ямочки.

Те самые, которые меня когда-то умиляли.

Ненавижу их.

— Дети, вы уже встретились, очень хорошо, — в зал wpłyвает мама под руку с... ЕГО ОТЦОМ!

— Маша, Данил, — начинает Сергей Юрьевич. — Мы с Анжелой решили оформить наши отношения. Вы теперь

брат и сестра.

ЧТООООО????

Глава 2.

Мне слышалось?

— Мы вместе уже некоторое время, — продолжает Сергей Юрьевич. — Недавно я сделал Анжеле предложение, и она согласилась, — на этих словах Громов-старший переводит нежный взгляд на мою маму, а она чуть ли не млеет под ним.

Я смотрю на эту парочку во все глаза, все еще не веря в услышанное. Перевожу растерянный взгляд на Данила. Весь его вид говорит о том, что он тоже в шоке.

— Не понял, — произносит Даня.

— Что непонятного? — тут же строго отвечает Сергей Юрьевич. — Женюсь я. На нашей соседке, Анжеле Борисовне. Ты должен ее помнить.

— Я помню, — кивает Данил. — Но я так же помню, что у Анжелы Борисовны есть муж.

— Мой супруг погиб два года назад, — сухо поясняет мама. — Автокатастрофа.

Лицо Данила тут же вытягивается в изумлении. Парень переводит недоуменный взгляд на меня, будто ищет подтверждение маминым словам.

— В общем, дети, — прерывает затянувшуюся паузу Сергей Юрьевич. — Вот такие у нас новости! Впереди ждет подготовка к свадьбе. Вы друг с другом давно знакомы, дружили в детстве, так что, я уверен, найдете общий язык. А дом

у нас большой, места всем хватит.

— Подождите, — оторопело начинаю. — Что значит «дом у нас большой, места всем хватит»?

Плохое предчувствие снова начинает, словно червячок, что-то бередить в груди.

— То и означает, Машенька. Вы с мамой переезжаете жить сюда. Мы же теперь одна семья.

ДА ОНИ ИЗДЕВАЮТСЯ!!!!

Данил в таком же шоке, как и я, хлопает глазами и не знает, что сказать.

— Мам, — зову родительницу сильным голосом. — А мы можем поговорить наедине?

Знаю, что невежливо с моей стороны сейчас так делать, но мне срочно нужно прояснить у матери, что это за спектакль. Я делаю к ней уверенный шаг, хватаю за локоть и веду на выход из зала, оставляя Громовых вдвоем. Думаю, им сейчас тоже есть, что обсудить.

— Машенька, не сердись, — быстро начинает тараторить мать, пока я тащу ее по коридору. — Я не говорила тебе раньше, потому что хотела, чтобы это был сюрприз.

— Сюрприз!? — я резко останавливаюсь, дойдя до гостиной. — Мама, это полный бред! Ты не можешь выйти за него замуж!

— Почему это не могу?

— А как же папа?

— Твой папа умер, Маша, — шипит сквозь зубы. — А

наша с тобой жизнь продолжается. И я думаю в первую очередь о тебе!

— Обо мне!? Мне не нужна никакая новая семья! Тем более Громы!

— Да? — упирает руки в боки. — А за свой институт ты чем платить собралась?

— Мне до института еще целый год в школе учиться! К тому же я рассчитываю поступить на бюджет.

— А если не поступишь? Умных детей много, а бюджетных мест мало. Маша, мы в проблемах по горло! Твой отец отправился на тот свет и оставил нам кучу долгов! Ты знаешь, что мы уже три месяца не платим за коммуналку? Нам скоро отключат свет и воду!

Ее последние слова поражают меня настолько, что я теряю дар речи. А родительница тем временем продолжает:

— Твой любимый папочка таких дел перед смертью наворотил, что мне вовек не расплатиться! Громов — наш единственный шанс выбраться из болота!

— Не говори так про папу, — выдавливаю могильным голосом.

— Что не говори? Ты многого не знаешь, Маша! Твой отец набрал долгов и отошел на тот свет, а я теперь расхлебываю!

Я стою, словно ведром ледяной воды облитая. Слишком много шокирующей информации за последний час.

— То есть, ты выходишь замуж за Громова только из-за денег? — спрашиваю, помедлив.

Мама поджигает ярко-красные губы.

— Почему сразу из-за денег? Сергей — очень интересный мужчина. Он, безусловно, успешен, но дело не только в этом.

— А в чем, мам?

Родительница открывает рот, порываясь что-то ответить, но, видимо, не находит слов, поэтому захлопывает его. Я горько хмыкаю, давая понять, что мне и так все ясно.

— Я не перееду сюда жить. Я останусь в нашем доме. Тут десять минут пешком, поселок охраняется. Со мной ничего не случится, если я буду жить там одна.

— Нет, — категорично заявляет. — Я сдала наш дом. В понедельник уже заедут жильцы.

— Что????

— Что слышала, — задирает подбородок кверху. — Завтра же мы начинаем переезд сюда, а наш дом я буду сдавать в аренду.

По коридору слышатся уверенные шаги двух мужчин, и уже через секунду перед нами возникают Громы. На лице Сергея Юрьевича читается жесткость. На лице Данила злость. Очевидно, их разговор тоже был тяжелым.

— Ну что же, семья, — басит Громов-старший. — Пойдемте праздновать мой юбилей. Сейчас еще объявление гостям сделаем и пригласим всех на свадьбу.

Мама берет под руку своего новоявленного жениха и направляется с ним на выход из дома. Мы же с Данилом остаемся стоять вдвоем. Как только за родителями закрывается

дверь, тяжелый взгляд парня ложится на меня.

Лучшая защита — это нападение.

Поэтому я резко разворачиваюсь к Данилу и, уперев руки в бока, принимаю воинственную позу.

— Друзьями мы точно не будем, — грозно выпаливаю первое, что приходит на ум. — И уж тем более братом и сестрой.

— Согласен, — кивает. — И раз уж ты переезжаешь жить на мою территорию, то у меня будет несколько правил.

Я фыркаю. Ну кто бы сомневался в том, что Данил станет диктовать условия.

— Когда ко мне будут приходить друзья, сиди в своей комнате и не высовывайся, — приказывает.

Друзья Данила такие же мерзкие, как и он сам, и снова с ними встречаться я не испытываю ни малейшего желания. Но и выполнять приказы новоявленного сводного братца — тоже.

— Я буду делать, что захочу, даже находясь на твоей территории, — язвлю.

— А вот это не советую.

— А то что?

Я задираю подбородок повыше, чтобы заглянуть Данилу в глаза. Этот черт такой высокий и сильный для своих восемнадцати лет, что я даже на шпильках чувствую себя рядом с ним букашкой.

Данил ничего не отвечает, а принимается пристально ме-

ня рассматривать. Блуждает взглядом по моему лицу, длинным светлым волосам, шее.

И я вдруг тоже на него засматриваюсь, выискивая перемены за эти четыре года. Глаза такие же серо-голубые, волосы такие же русые. Вот только на щеках появилась едва заметная щетина, а между бровей мимическая морщинка. И она вдруг вызывает у меня улыбку. В детстве Данил постоянно хмурился, когда был серьезен.

— Машка... — вдруг тихо выдыхает и берет меня за руку. Сжимает мои холодные от нервов пальцы своими теплыми.

И это отрезвляет. Я резко выдергиваю руку. Данил, видимо, тоже понимает, что сейчас произошло что-то явно лишнее и неуместное, поэтому вмиг собирается и становится таким же строгим, каким был.

— Так вот, когда ко мне будут приходить друзья, или уходи из дома, или не высовывайся из своей комнаты, — грозно продолжает.

— Пожалуй, когда к тебе будут приходить друзья, я специально буду выходить из своей комнаты, — поясничая. — Еще указания?

— Да, — смыкает губы в нитку. — У тебя есть парень?

— Что? — не сразу понимаю его вопроса.

— Я спрашиваю, есть ли у тебя парень.

Я стою, оторопев, судорожно соображая, что ответить. У меня нет парня. Но признаваться в этом Данилу я не хочу. У него-то наверняка есть девушка, и не одна.

— Есть, — вру, глядя ему ровно в глаза.

— Притащишь его в дом — и я сломаю ему шею. Все твои свидания за пределами моей территории. Понятно?

Вот это заявление. Меня начинает раздражать от возмущения.

— Да что ты о себе возомнил!?

— Хозяина дома, в который ты переезжаешь жить, — спокойно парирует. — Я не шучу, Маша.

— Я буду приводить сюда, кого захочу, и мне наплевать, что это твой дом!

Как же он меня бесит. И вроде уже четыре года прошло, а до сих пор, как посмотрю на него — так придушить хочется.

— Какого фига ты вообще вернулся из своей Швейцарии? — продолжаю плевать ядом. — Как хорошо было не видеть тебя столько лет!

— Вернулся учиться в институте. Но с удовольствием бы остался в Европе и никогда не видел тебя.

— Ну и учился бы в институте в своей Европе!

— К сожалению, батя захотел, чтобы я приехал домой. Так что, Машенька, — делает язвительный акцент на моем имени. — Нам с тобой придется как-то уживаться вместе. Я назвал тебе свои правила, и если ты будешь их соблюдать, то проблем у нас не возникнет.

— Пф! — фыркаю и разворачиваюсь, чтобы отправиться поскорее на выход.

— Я не знал, что твой папа умер, — прилетает мне в спи-

ну, когда я уже хватаюсь за дверную ручку. Данил говорит это таким мягким голосом, что я невольно оборачиваюсь. Сейчас на его лице нет выражения наглого хама и хозяина жизни. Смотрит на меня, как...

Как иногда смотрел на меня в детстве.

— Соболезную, — добавляет. — Очень жаль, что он умер. Я хорошо помню твоего отца.

— Мне не нужна твоя жалость, — зло рычу и выхожу из дома, громко хлопнув дверью.

Бегу вниз по ступенькам крыльца, вдыхая вечерний августовский воздух. Какое-то чертово дежавю. Четыре года назад тоже было лето.

Останавливаюсь у фонтана, пытаюсь собраться с мыслями и переварить свалившуюся на меня информацию. Вот так новости, пипец просто. Даже не знаю, какая из них хуже: что Данил вернулся из элитной школы в Швейцарии или что моя мама выходит замуж за его отца.

Откуда-то справа до меня доносится громкий смех, больше похожий на ржач стада лошадей. Я поворачиваюсь на звук и вижу... друзей Данила. Тех самых, на глаза которым мне, по всей видимости, попадаться нельзя. Впрочем, я и сама не испытываю ни малейшего желания с ними встречаться.

Дверь дома снова хлопает, и Данил, бросив предупреждающий взгляд в мою сторону, направляется к толпе приятелей.

— Гроооом!!! — ревут они при виде его.

Несколько девушек тут же виснут на шее парня.

— Аааа, Данька! — визжит одна брюнетка, расцеловывая его в щеки. Я ее помню. Даша, кажется. — Как ты изменился! Я так скучала! — льнет к нему всем телом.

— И я скучал по тебе, Дашуль, — сжимает ее в руках и смачно целует в ответ.

«Дашулю» отталкивает какая-то рыжая и тоже торопится обнять Данила.

Тошно смотреть.

Я разворачиваюсь на шпильках и поскорее спешу свалить с этого праздника жизни.

Глава 3.

Чем ближе я к своему дому, тем сильнее выступают слезы на глазах. Если мама решила меня разыграть, то это было не смешно. Еще и Данил вернулся.

Боже, и как мне жить с ним под одной крышей?

Хлопнув входной дверью так, что она чуть ли не слетает с петель, я взбегаю вверх на второй этаж и закрываюсь в своей комнате. Горячие слезы обиды уже вовсю текут по щекам, размазывая красивый профессиональный макияж. Несколько раз шмыгнув носом, достаю из сумочки телефон и звоню лучшей подруге.

— Алло, — раздается звонкий голос Арины.

— Привет, — всхлипываю.

— Маш, ты плачешь? — тут же серьезнеет. — Что-то случилось?

— Да, — реву.

— Что такое?

— Во-первых, Громов вернулся.

На том конце провода повисает долгая пауза.

— Данил? — осторожно уточняет через некоторое время.

— А есть другой!? — рявкаю.

— Вернулся? — изумляется. — Из закрытой школы в Швейцарии?

— Да. Приехал учиться в институте.

— А в Швейцарии для него институтов не нашлось? — хмыкает.

— Понятия не имею.

— Ой, ну вернулся и вернулся. Подумаешь.

Аринка глубоко убеждена, что четыре года назад не произошло ничего такого страшного, из-за чего бы мне все эти годы приходилось переживать.

— Это еще не все. Моя мама выходит замуж за его отца. Сегодня сделали мне и Данилу торжественное объявление.

В трубке снова тишина. На этот раз я чувствую, как Арина на том конце провода обомлела.

— Ты там? — спрашиваю, когда через несколько десятков секунд Арина по-прежнему не подает признаков жизни.

— Да. Пытаюсь осознать услышанное. Твоя мама выходит замуж за его отца??

— Да, — захожусь новой порцией слез. — И еще она сказала, что сдала наш дом квартирантам, и мы переезжаем к Грозовым. Мне придется жить с Данилом в его доме.

Кажется, Арина, никогда не умевшая свистеть, сейчас присвистывает от удивления.

— Офигеть, — произносит и тут же замолкает. — Слушай, — начинает успокаивающим голосом через некоторое время. — Ну, дом Данила больше и красивее, чем твой... Там есть бассейн, насколько я помню.

От попыток подружки меня успокоить мне становится еще хуже.

— Издеваешься???

— Не, ну а что? Ты любишь плавать.

— Да ноги моей не будет в его доме!

— А где ты будешь жить?

— Не знаю. Уеду к бабушке в Рязань.

— А школа!? — ужасается подруга.

— Окончу школу в Рязани. Всего-то год остался.

— Не говорю ерунду! — восклицает в страхе. — У нас выпускной класс! Мы вообще-то собираемся классно потусить на выпускном.

На душе становится тепло и приятно от того, что Аринка переживает, что я на самом деле уеду. Но это все равно не поднимает мне настроения.

— Ладно, Ариш. Извини, что грузу.

— Да ты не грузишь. Просто попробуй отпустить ситуацию. Ну подумаешь, вернулся. Ну подумаешь, твоя мама выходит замуж за его отца. Да по фиг вообще!

Действительно. Как это я сразу не догадалась, что по фиг?

— Тебе же не обязательно с ним общаться, — продолжает подруга. — Попробуй не замечать его, живи своей жизнью. У тебя же куча всего помимо школы! Танцы, фотостудия, репетиторы... Можешь почаще оставаться у меня с ночевкой. Родители не будут против.

— Угу, — мычу растирая по лицу сопли и слезы. — Ладно, Ариш, спасибо, что выслушала.

— Давай, не грусти. Данил не стоит твоих слез.

Я отбиваю звонок и направляюсь в ванную смыть с себя поплывший макияж. Теперь понятно, почему мама пригласила к нам сегодня профессионального визажиста и мастера причесок.

Аккуратно умываюсь, чтобы не забрызгать платье, и передеваюсь в любимую пижаму. Спускаюсь вниз на кухню и открываю холодильник. Как всегда, пусто. Мама распустила всю прислугу несколько месяцев назад, аргументировав это тем, что нас всего двое, поэтому повар и горничные нам не нужны. Вот только готовить мать не стала. Она питается исключительно обезжиренными йогуртами и рукколой, а я готовлю себе нормальную еду сама.

Достаю из морозилки курицу, привезенную бабушкой из Рязани. Засовываю мясо на разморозку в микроволновку и направляюсь в кладовку за овощами. Тоже из Рязани от бабушки. Чищу картофель и морковь, нарезаю кубиками. Затем достаю размороженную курицу, натираю ее приправами и вместе с овощами отправляю в духовку.

Маму вряд ли стоит ждать сегодня раньше полуночи. А может, она и вовсе не придет домой. В последнее время она часто стала отсутствовать по ночам. Теперь понятно, где и с кем она пропадала.

В голове не укладывается до сих пор. И мамины слова об отце... Набрал долгов, бросил их на нас... И все это в таком пренебрежительном тоне о папе. Вспоминаю — и снова слезы бегут по лицу.

Через час я достаю из духовки курицу с овощами и ужинаю в гордом одиночестве. За окном уже стемнело, и небо в стороне коттеджа Громовых озаряется ярким фейерверком. У них там праздник. Данил, поди, веселится со своими друзьями.

Интересно, почему он не приезжал четыре года? Или все-таки приезжал, а просто я его не встречала? Ни разу не позвонил мне из Швейцарии, ни разу не написал. Не то что бы я ждала, конечно. Но сам факт.

Ладно, по фиг. Арина права. У меня своя жизнь, в которой ему нет места.

Когда я пью чай и смотрю сериал, уютно устроившись на диване в гостиной, неожиданно домой возвращается мама.

— Не спишь еще? — оглядывает меня.

Ставлю серию на паузу.

— Нет. А ты чего вернулась?

— Завтра рано вставать, вещи собирать, — сбрасывает с себя шпильки и подходит ко мне. Придирчиво меня оглядывает. — Плакала?

— Немного, — честно признаюсь.

— Поверь, нет повода, — отбрасывает назад длинную обесцвеченную прядь. — У нас теперь все будет хорошо.

— А было плохо?

— Представь себе, да. Я не хотела тебя расстраивать, но твой папаша оставил нам кучу проблем. Нормальные мужчины завещают своим женам и детям миллионы, а твой отец

завещал нам долги.

— Не говори так про папу! — строго ее одергиваю. — Я не хочу слышать от тебя ничего подобного в его адрес!

— Ладно-ладно, — быстро капитулируется. — Не засиживайся сегодня допоздна, завтра будем собирать вещи и переезжать к Грозовым. И еще, Маш, — внимательно на меня смотрит. — Постарайся поладить с Данилом. В детстве вы с ним вроде были друзьями.

На этих словах она разворачивается и направляется к лестнице на второй этаж.

Ключевые слова «в детстве» и «были».

Глава 4.

— Маша, ну что ты, как черепаха!? — ругается мама. — Давай быстрее!

Я, как могу, затягиваю сбор чемоданов. Ну и еще у меня такое количество вещей, что за голову хочется хвататься. Помимо упакованных сумок со шмотками есть еще несколько пакетов с мусором: там все барахло, к которому я не прикасалась больше трёх лет.

— У меня много вещей, — бурчу, впихивая последнее платье в еле застегивающийся чемодан.

По лестнице раздаются мужские шаги. Это грузчик, которого к нам прислал Громов-старший. Двухметровый мужик берет в руки уже упакованные сумки и направляется с ними к машине.

— У тебя там таааакая комната будет! — восторженно начинает мама. — В два раза больше твоей, с балконом. А кровать с балдахином, представляешь? Ты же мечтала о кровати с балдахином!

— Я мечтала о кровати с балдахином в пять лет.

— И у Громовых в особняке бассейн, тренажёрный зал, сауна, джакузи! Мы сможем устраивать свое домашнее СПА!

— А я думала, ты выпросишь у своего новоявленного мужа безлимитную банковскую карту и будешь ходить в СПА-салоны. Домашнее СПА — это же не твой уровень, мам, —

замечаю с сарказмом.

Но родительница не обращает внимания на мой тон.

— Машенька, вот увидишь, ты мне еще потом спасибо скажешь! Громов оплатит твоё обучение в любов вузе, который ты выберешь!

— Я вообще-то планирую поступить на бюджет.

— А на новогодние праздники мы всей семьей поедем кататься на лыжах. Помощница Сережи уже занимается подборкой тура.

А вот это уже заставляет меня отставить сарказм в сторону и серьезно посмотреть на маму. Вчера перед сном я сама себе пообещала, что не буду зависеть от отца Данила: мне не нужны его деньги ни на личные расходы, ни на репетиторов, ни — Боже упаси! — ни на обучение в вузе. И ехать за его счет в отпуск я тоже не собираюсь.

— Я не поеду, — категорично заявляю.

— Почему это?

— Потому что! Я не буду жить за счет отца Данила.

— Ты уже живешь за его счет, моя дорогая, — в мамином голосе слышатся стальные нотки. — За какие деньги я, потвоему, оплатила твой одиннадцатый класс в лицее?

Все мое тело простреливает ледяной ужас.

— Что???

— Что слышала, Маша. У меня не было денег оплатить последний год твоего обучения. Серёжа без проблем согласился это сделать, когда я его попросила.

От возмущения я начинаю задыхаться.

— Маша, я не шутила, когда говорила, что твой отец оставил нас с кучей долгов, — продолжает мать. — За десятый класс я еще смогла заплатить, но денег на одиннадцатый у меня уже не было.

— Почему ты мне не сказала!?! — возмущённо выкрикиваю. — Я могла бы пойти в обычную школу! Бесплатную!

— Еще чего! Моя дочь не будет сидеть за одной партой с детьми каких-то шахтеров!

— Каких еще шахтеров? В Москве нет шахт!

— Ну не шахтеров, а водителей, значит. Ну или чьи дети ходят в обычные бесплатные школы, — мама брезгливо фыркает.

Мамина меркантильность меня всегда вымораживала. И не только меня, папу тоже. Они из-за этого часто ругались, иногда мне даже казалось, что разведутся. Мама всегда считала, что у нас мало денег и не достаточно красивая жизнь, и она пилила из-за этого папу. Требовала, чтобы он зарабатывал все больше и больше. При этом сама родительница ни дня в своей жизни не работала. А у отца был ресторанный бизнес, который мама после его смерти продала.

— Ты дочка водителя и ты ходила в обычную школу в Рязани, — напоминаю матери ее настоящие корни.

— Так это когда было! — не сдаётся. — В девяностых все бедно жили!

— И все-таки ты не должна была брать деньги у Сергея

Юрьевича на оплату обучения в моем лицее. — Застегиваю последнюю сумку. — Так что кататься на лыжах за счет Громовых я совершенно точно не буду.

Если потребуется, я даже свой загранпаспорт сожгу, но отдыхать за счет папы Данила не поеду!

Мама отмахивается от меня, как от назойливой мухи, и спускается вниз проконтролировать, как грузчик уложил сумки. Не дай бог поверх чемодана с ее дизайнерскими платьями будет стоять что-то еще. Я сгружаю в коробки последние вещи и, обведя на прощанье свою комнату тоскливым взглядом, выхожу на улицу. Мысленно прощаюсь с любимым двором, гамаком и беседкой в саду.

Уже в понедельник здесь будут жить другие люди. От одной только мысли об этом сердце больно щемит.

Ладно, все-то год потерпеть в доме Данила. Как только сдам ЕГЭ, сразу уеду к бабушке в Рязань и пропишусь в ее квартире. Поступлю в институт на бюджет и получу место в общежитии как иногородняя. Параллельно с учебой буду работать. Не важно, где. Хоть официанткой.

От неожиданно пришедшей в голову мысли я застываю с коробкой в руках.

В России же можно работать с 16 лет!!!

В папины рестораны каждые летние каникулы устраивались подрабатывать шестнадцатилетние школьники!

А мне 17 лет! А в декабре исполнится 18!

Завтра же начинаю искать работу.

Глава 5.

— Вот твоя комната, — счастливая мама открывает передо мной белую деревянную дверь на втором этаже особняка Громовых.

Действительно большая. Метров тридцать, наверное. И что удивительно: отделана в девчачьем стиле. Все такое бело-розово-персиковое, что немного подташнивает. Кровать на самом деле с балдахином.

— У тебя будет собственная ванная и собственная гардеробная, — щебечет родительница, пересекая спальню и открывая еще одну дверь. Я следую к ней и вижу гардероб, ведущий в персональную ванную.

Это хорошо. Пользоваться одним душем с Дániлом я не готова.

— А вот это кресло, — мама указывает на огромное розовое нечто в углу. — Деятнадцатого века, представь!

— Всегда мечтала о кресле деятнадцатого века, — отвечаю с иронией.

— Вон там выход на балкон, — родительница показывает на стеклянную дверь за персиковой занавеской.

— Хорошо, мам, я все осмотрю, — делаю ей голосом намёк, чтобы оставила меня одну.

— Ладно, располагайся, — целует меня в щеку. — Я пошла.

Мать наконец-то удаляется, а я опускаюсь на огромную кровать, наблюдая, как грузчики заносят в мою новую комнату коробки и сумки с вещами.

Хорошо хоть, я буду жить не рядом с Данилом. Его комната на третьем этаже особняка и в другом крыле. Надеюсь, пересекаться в этом огромном доме мы будем по минимуму. До конца лета осталось меньше месяца. Потом начнется школа, после нее работа, которую я, надеюсь, найду. Приезжать из Москвы я буду поздно и сразу закрываться в этой комнате. Выходить из нее только при большой необходимости. Бассейн, тренажёрный зал, сауна и прочие прелести дворца Громовых мне не нужны.

Да и Данилу наверняка не будет до меня никакого дела. У него начнётся учеба в институте, друзья, тусовки, девушки. Все, как он любит. Данил быстро забудет, что я живу с ним под одной крышей.

Весь день до глубокой ночи я занимаюсь тем, что раскладываю свои многочисленные вещи в новой комнате. Чего греха таить, я всегда мечтала о собственной ванной и гардеробной. Теперь у меня не десять платьев на одной вешалке, а каждое по отдельности. И обувь аккуратно расставлена.

Ванная очень большая. Уже представляю, как буду нежиться здесь с пеной и свечами, и никто не будет долбиться в дверь, поторапливая меня. Обычно маме всегда приспичивает идти в душ именно тогда, когда там я.

Балкон огромный. Это даже не балкон, а терраса с наве-

сом и креслами, чтобы, например, пить кофе по утрам. Вид на прекрасный фруктовый сад Громовых. Загляденье.

Правда, выход на террасу есть и из соседней комнаты. Но в ней вряд ли кто-то живет. Мама говорила, что их с Сергеем Юрьевичем спальня на третьем этаже, а больше в этом доме жильцов нет. Прислуга здесь приходящая и уходящая.

Поздним вечером я тихо спускаюсь на кухню, делаю сэндвич с чаем и возвращаюсь к себе. Мама и Сергей Юрьевич куда-то уехали, Данила нет.

А может, он и вовсе не будет здесь жить? Хотелось бы.

Ну а что? Ему месяц назад исполнилось 18, он поступил в институт. Неужели Громов-старший не подарил единственному сыну квартиру на совершеннолетие?

Но я вдруг вспоминаю правила, которые Данил озвучил мне, и тут же кисну. Он велел не высовываться, когда к нему будут приходить друзья. Значит, все-таки живет здесь. Ну ладно. Может, у него появится девушка и он с ней съедется.

Или притащит ее жить сюда.

О Боже! Только не это.

Мне, конечно, нет совершенно никакого дела до личной жизни Данила, но вот проживать бок о бок с его пассией не испытываю ни малейшего желания. Я в детстве достаточно насмотрелась на его многочисленных подруг. До сих пор глаз дергается, когда вспоминаю.

Традиционный просмотр любимого сериала перед сном как-то не идет. А все потому, что меня, как магнитом, тянет

в одну-единственную комнату. Устав сопротивляться самой себе, я тихо спускаюсь на первый этаж и, подсвечивая дорогу фонариком на телефоне, направляюсь в большой мраморный зал.

Десятки лампочек тут же озаряют пространство ярким светом, заставляя меня прищуриться. С участившимся дыханием я подхожу к черному роялю и замороженно на него смотрю. Аж руки чешутся — так сильно хочется сыграть.

Провожу пальцами по клавишам, но не нажимаю.

Но я ведь одна дома? Могу попробовать сыграть. Совсем чуть-чуть. Пять минут.

Опускаюсь на стульчик и начинаю играть незамысловатую мелодию. Звук рояля тут же заполняет пустую комнату, что заставляет мое сердце сжаться от страха быть пойманной. Спокойно, Маша. Ты одна дома. Никого нет.

Я принимаюсь жать клавиши увереннее, и это так меня захватывает, что даже не слышу, как открывается дверь и в зал входит человек. Прихожу в себя, только когда вижу чужую тень на белом мраморном полу.

— Ааа! — вскрикиваю и тут же подсакиваю.

В крови происходит резкий выброс адреналина, из-за которого мое сердце стучит так, что, кажется, выпрыгнет из груди.

— Тихо-тихо! Это я, — Данил поднимает вверх две ладони, давая мне понять, что не имеет злых намерений.

Шумно выпускаю из легких воздух и пытаюсь нормализо-

вать дыхание.

— Ты меня напугал, — произношу через некоторое время, когда сердцебиение возвращается в норму.

На самом деле я чуть не обоссалась от страха, но Данилу я так, конечно, не скажу.

— Извини.

Возникает неловкая пауза, когда я понимаю, что тайком пробралась в ЕГО зал к ЕГО роялю в ЕГО доме и стала играть, не спросив разрешения. Данил в серой футболке, синих джинсах и черных кедах, особенно сильно контрастирующих с белым мрамором, кажется очень сильным и возмущавшим. В нашу первую встречу он был в костюме с пиджаком, застегнутым на все пуговицы, поэтому его тела было не рассмотреть.

Сейчас же я обращаю внимание на бицепсы на его руках, под футболкой плоский живот наверняка с кубиками. Данил очень изменился за эти четыре года. Он и тогда был не слабым, а сейчас просто спортсмен.

И он тоже внимательно меня рассматривает.

А на мне моя любимая розовая пижама с мишками.

Чувствую, как резко начинают гореть щеки.

— Это ты извини, что я без спроса села играть, — быстро выпаливаю. — Я больше не буду.

Разворачиваюсь, чтобы выбежать из зала, но Данил успевает перехватить меня за руку.

— Играй, если хочешь. Я не возражаю.

— Нет, не хочу.

Снова порываюсь уйти, но парень крепко держит.

— Маша, ты можешь пользоваться в этом доме всем, чем захочешь.

Ну надо же, какая щедрость!

— Спасибо, учту.

Опять поворачиваюсь к двери, но Данил все еще не отпускает.

— Маш, да не убегай ты от меня.

Сердце ёкает. Он говорит это таким голосом... Как четыре года назад, когда мы оставались вдвоем без его дебильных друзей.

Сглатываю и разворачиваюсь к нему. Данил смотрит на меня с улыбкой (даже кажется, что с доброй).

— Как твои дела, Маш? Что нового?

Да неужели ему интересно!

— Что у меня нового за четыре года, которые мы не виделись? — выгибаю бровь.

— Ну да...

— Дай-ка подумать, — возвожу глаза к потолку, пытаюсь вспомнить все значимые события своей жизни за это время.

— Умер мой кот Лютик, — принимаюсь загибать пальцы. — Потом папа купил мне чихуа-хуа, но его переехала машина. Я сильно вывихнула лодыжку и перестала заниматься гимнастикой, а когда травма прошла, я записалась на танцы, хожу до сих пор. В пятнадцать лет решила тренировать силу волю

и перестала есть мясо, меняхватило на два месяца. Побывала в шести новых странах. Разлюбила романтические комедии и полюбила фильмы ужасов. Красила волосы в розовый. Набила на запястье татуировку, а потом свела ее, теперь там шрам, — вырываю руку из его захвата и демонстрирую. — Выиграла окружную олимпиаду по русскому языку. Научилась водить машину. И умер мой папа, но это ты уже знаешь. Фух, вроде бы все.

В конце своего монолога я разошлась не на шутку и сейчас тяжело дышу. Данил стоит, сцепив челюсть и сомкнув губы в нитку, и меня это бесит.

Он весь меня бесит!

Почему он вернулся? Почему я снова должна с ним общаться? Почему моя мама выходит замуж за его отца? Почему я должна жить в его доме?

Резко разворачиваюсь и направляюсь на выход. На этот раз, к счастью, он меня не догоняет. Взлетаю вверх по ступенькам и захлопываю дверь своей комнаты. Не включая света, сажусь на кровать, пытаюсь перевести дыхание и унять дрожь в теле.

Через несколько минут я слышу шаги Данила по лестнице, затем, как он идет по коридору второго этажа и хлопает соседней с моей спальней дверью.

Тело окатывает ледяной волной ужаса.

Подскакиваю на ноги и выхожу на террасу. В окнах комнаты, с которой я делю этот большой и прекрасный балкон,

горит свет, и сквозь полупрозрачные занавески я вижу, как Данил снимает с себя футболку, бросает ее на спинку стула и принимается расстегивать ремень на джинсах.

Я что, живу через стенку от него????

Его комната же раньше была на третьем этаже!

Это финиш.

Глава 6.

— Машуня, — сквозь сон чувствую, как кто-то трясет меня за плечо. — Мааашааа.

Еле-еле разлепляю веки и замечаю очертания мамы. Тру глаза и понимаю, что родительница уже при полном параде: обесцвеченные волосы уложены кудрями, на лице дневной макияж, одета в платье и с ног до головы надушена новыми духами.

— Маша, просыпайся.

— Что такое? — сонно бормочу.

— Спустись вниз, позавтракаешь со мной и с Сережей.

— Зачем?

— Мы уезжаем по делам.

— И что?

— И то! — повышает голос. — Позавтракай с матерью и со своим новым отцом!

Последняя фраза пробуждает получше любого будильника. Я резко подскакиваю на кровати.

— Никогда ни один твой новый муж не заменит мне папу!

Родительница томно закатывает глаза.

— Маша, будь добра: умойся, расчешись, переоденься и спустись на кухню. Прояви чуточку уважения к человеку, который теперь нас содержит.

На этих словах мать разворачивается и, стуча по паркету

шпильками, покидает мою комнату. Я сажусь на постели и оглядываюсь по сторонам. Так непривычно просыпаться в другой спальне.

Но мама права: я должна проявить уважение к человеку, в доме которого теперь живу, хоть и не по своей воле. К тому же о самом Сергее Юрьевиче я ничего плохого сказать не могу. Я быстро умываюсь, чищу зубы, одеваюсь в летний сарафан и спускаюсь на кухню, как раз тогда, когда родительнице и ее новоявленному жениху подают завтрак.

— Всем привет, — смущенно произношу, опускаясь за пустое место.

— Доброе утро, Машенька, — Сергей Юрьевич отрывается от газеты и по-доброму мне улыбается.

Домработница тут же ставит передо мной тарелку каши и кофе с молоком.

— Как спалось на новом месте? — обращается ко мне мама, отправляя в рот свою любимую рукколу.

— Нормально.

— Данил не шумел ночью? — спрашивает Сергей Юрьевич.

— Нет... — осторожно отвечаю.

— Если будет шуметь и мешать спать, смело мне жалуйся. А то он заладил по ночам музыку слушать на весь дом.

Проглатываю ложку овсянки, не успев толком прожевать, и чувствую, как слизкий комок медленно проходит по пищеводе в желудок. Запиваю глотком кофе.

— А давно Данил вернулся? — осторожно интересуюсь.

— В начале июля. Окончил в Швейцарии школу и приехал поступать в институт.

— Ясно...

Значит, он уже месяц тут. Но судя по тому, как Данила приветствовали друзья на юбилее отца, он еще с ними не встречался. Интересно, чем занимался весь месяц?

Наверное, «непонятными девицами» занимался. Ну да, вполне в его стиле.

— Доброе утро, любимая семья!

Я чуть ли не подпрыгиваю от неожиданности. Данил с улыбкой, как у чеширского кота, wpłyвает на кухню и занимает место ровно напротив меня. Он в одних спортивных штанах и с голым торсом. На шею наброшено небольшое полотенце, волосы мокрые, а на груди остались капли воды после душа.

— Доброе, — сурово произносит Сергей Юрьевич, смея сына строгим взглядом. — Ты бы оделся. Тут девушки.

— Да ладно, пап! Мы же семья. — Поворачивает голову к моей матери. — Анжела Борисовна, можно я буду называть вас мамой?

Родительница, явно не ожидавшая такого вопроса, давится рукколой и начинает кашлять. Я замираю с ложкой каши в руках и перевожу недоуменный взгляд с мамы на Данила и с Данила на Сергея Юрьевича, который заботливо стучит матери по спине.

— Ну, если ты хочешь, — выдавливая мама, откашлявшись. Делает пару глотков воды с лимоном. — Если ты хочешь, — уже чуть более уверенно. — То я не против. Маша, думаю, не будет ревновать. Да, Маш?

Громов-младший, Громов-старший и мама одновременно смотрят на меня. Моих сил хватает только на то, чтобы кивнуть.

— Прекрасно! — Данил расплывается в еще более широкой улыбке. — Спасибо, папа! Наконец-то ты подарил мне настоящую семью. Ты же знаешь, как я всегда мечтал о маме и младшей сестренке.

Сергей Юрьевич сначала бледнеет, потом багровеет. Сверлит сына недовольным взглядом, но вслух ничего не говорит.

Конечно, я прекрасно узнаю и этот сарказм в голосе Данила, и это выражение его лица, когда он всех ненавидит и презирает. Он не рад нашему с мамой появлению в его жизни, и я не могу винить его за это. Я тоже не рада.

— Реклама известной на всю Россию компании по добыче газа не врала, когда говорила, что мечты сбываются, — иронично продолжает, отправляя в рот кусок омлета, который перед ним только что поставила домработница. — Мечтал с детства о маме и наконец-то в 18 лет получил. Да еще какую! Я уверен, что в конкурсе «Мать года» Анжела Борисовна заняла бы первое место. Пап, знаешь, что я всегда загадывал в детстве на день рождения, когда задувал свечи?

Сергей Юрьевич продолжает тяжело смотреть на сына, отложив газету в сторону, и не отвечает на его вопрос.

— Я загадывал, чтобы у меня появились мама и сестра,
— делает глоток из кружки.

— Данил, — наконец-то Сергей Юрьевич подает голос. —
Заканчивай спектакль.

— Какой спектакль? — удивляется. — Я правду говорю.
Всегда в детстве мечтал о маме.

Моя родительница отложила вилку в сторону, оставив
рукколу и помидоры черри недоеденными. По всей видимости
она потеряла даже тот небольшой аппетит зожницы, который
у нее был. Признаться честно, у меня аппетит тоже
пропал.

— Ведь мама — это самый важный человек в жизни ребенка,
— продолжает Громов-младший.

У Данила никогда не было мамы. Никто не знает, где она.
Может, бросила их с Сергеем Юрьевичем, а может, умерла.
Данил не рассказывал, а у него никто и не спрашивал. Громов-младший
рос в окружении десятка нянь и гувернанток, которых нанимал его отец.
Четыре года назад, когда Данилу исполнилось 14 лет, Сергей Юрьевич
отправил его учиться в закрытую школу в Швейцарии. Типа там хорошее
образование, и это престижно. Данил не возражал, даже был рад
такой возможности.

И вот вернулся.

Но Данил никогда не был похож на ребенка, который

комплексует из-за отсутствия мамы. Я, конечно, понятия не имею, что он загадывал на день рождения, когда задувал свечи, но почему-то мне кажется, что не маму.

И да, Громов-младший сейчас играет спектакль, показывая свое реальное отношение ко мне и моей маме. И хоть я не могу винить Данила, но... мне обидно.

Мне сейчас очень обидно.

— А вы планируете рожать детей? — Данил не прекращает. — Я бы хотел братика. Сестричка уже есть, — поворачивается ко мне и демонстрирует белоснежные тридцать два зуба.

Наши взгляды встречаются. Мне кажется, что Данил задерживает дыхание, потому что его сильная грудь перестает вздыматься. Улыбка чеширского кота на наглой физиономии застывает, а затем уголки губ медленно ползут вниз, демонстрируя на лице грусть.

Как я и думала. Ему ни черта не весело.

— Ты уже сам в состоянии рожать детей, — басит Громов-старший, отодвигая от себя тарелку. — Так что вперед и с песней. А мне второй такой же негодяй, как ты, не нужен.

— Ну так у меня же нет жены, — Данил возвращается в роль. — А у тебя теперь есть.

— Найди.

— Ну так где ее найти? Жениться надо на хорошей и порядочной девушке, — снова поворачивает ко мне голову. — На такой, как Маша.

Чувствую, как от лица отливает кровь. Громов-младший тем временем без какого-либо стеснения смотрит на меня.

— Так, — Сергей Юрьевич поднимается со стула, а следом за ним и моя мама. — Если не прекратишь паясничать, я буду разговаривать с тобой по-другому. Есть у меня еще, слава Богу, рычаги давления на тебя! Ключи от машины дай, — протягивает ладонь.

— Зачем?

— За тем, что ты наказан за свое поведение. Ключи от машины быстро.

Данил растерянно смотрит на отца, и сейчас ему не до веселья.

— Ключи от машины, я сказал! — повышает голос Сергей Юрьевич.

Данил нехотя поднимается со стула и выходит из кухни. Мама и Сергей Юрьевич, кивнув мне на прощанье, идут следом за ним. Из холла доносятся голоса отца и сына, а затем звяканье ключей и хлопок входной двери, означающий, что мама и Громов уехали.

Выбегаю из кухни и быстро поднимаюсь на второй этаж.

— Маш, подожди, — Данил взбегает вверх по лестнице следом за мной.

Я не оборачиваюсь, но парень все равно настигает меня у входа в комнату. Хватает за руку и разворачивает к себе.

— Извини, я не хотел тебя обидеть.

— Ты меня не обидел, — быстро отвечаю и порываюсь

скрыться за дверь, но парень все еще не отпускает.

Честное слово, он теперь все время будет так меня хватать!?

— Маш, то, что я говорил на кухне, не относится ни к тебе, ни к твоей маме. Просто у меня свои сложности с отцом. Это все было для него.

— Угу.

— Маш, прости, — сжимает мою ладонь.

— За что мне тебя простить, Данил? — громко спрашиваю, вздергивая подбородок.

— За то, что я устроил сейчас на кухне.

Я горько хмыкаю и отворачиваю лицо в сторону, потому что глаза уже предательски защипало.

Больше он ни за что передо мной извиниться не хочет.

— За это прощаю, — вырываю руку из его захвата и скрываюсь за дверь.

Глава 7.

Я решаю весь день не выходить из своей комнаты и искать работу. Создаю резюме на нескольких соответствующих сайтах и принимаюсь рассылать его по всем вакансиям, где указано, что опыт не требуется. Но все-таки в качестве предыдущего места работы я указываю папин ресторан. Иногда на каникулах я помогала отцу: то ходила с подносом по залу, то контролировала поставки продуктов, то шинковала на кухне овощи для повара.

Как итог, к вечеру меня приглашают на собеседование несколько заведений общепита: ресторан, студенческое кафе и бар. Студенческое кафе я сразу отметаю. Мне нужны деньги, то есть, нормальные чаевые, а студенты вряд ли смогут их оставлять. Ресторан назначает мне собеседование на завтрашний вечер, а вот бар ждет в гости уже сегодня.

Часы показывают четыре часа вечера, я не ела с завтрака. Данил после нашего разговора в коридоре закрылся в своей комнате и не подавал признаков жизни. Ну или он куда-то ушел, а я не услышала, так как была слишком увлечена поиском работы.

Тихо выхожу из спальни и пробираюсь на кухню. Быстро сооружаю бутерброд, наливаю в стакан сок и возвращаюсь в комнату. Через полтора часа мне уже нужно быть в баре на собеседовании. Быстро съедаю бутер, запиваю его и принимаю

маюсь собираться.

Черт, как одеться на собеседование?

Это бар, в который приходят выпить и повеселиться. Днём в нем относительно тихо и спокойно, но в десять вечера начинаются дискотеки. Так как я еще не совершеннолетняя, то работать буду в дневные смены.

Я останавливаю выбор на юбке по колено и белой блузке. Делаю легкий макияж и тихо ухожу из дома. Раньше я ездила в Москву на такси, но в этот раз решаю поэкономить деньги. Направляюсь на выход из посёлка, затем на трассу и останавливаюсь у автобусной остановки. Через десять минут подъезжает маршрутка.

В бар в центре Москвы я приезжаю ровно к назначенному времени. В помещении весь интерьер из дерева, посередине зала расположена барная стойка, а по бокам столики. Бармен с татуировками на руках и тоннелями в ушах, официантки ему под стать: в топах, коротких шортах и мини-юбках.

Одеваться в классическую юбку и рубашку, кажется, было ошибкой.

— Здравствуйте. Вы бронировали столик? — ко мне подходит девушка-хостес с розовыми волосами и пирсингом в губе.

— Здравствуйте. Нет, я на собеседование к Елене.

— Мария?

— Да.

— Пойдемте я вас провожу.

Я иду вслед за девушкой в черной мини-юбке, едва прикрывающей ягодицы. На официантках, кстати, такие же.

Это дресс-код?

Начинаю чувствовать себя неуютно.

Хостес стучит в деревянную дверь и тут же ее открывает.

— Пришла Мария на собеседование.

— Пусть заходит.

Розововолосая девушка одаривает меня последней улыбкой и удаляется. Глубоко вдохнув для успокоения нервов, неуверенно вхожу в кабинет. За столом сидит светловолосая женщина лет сорока. Выглядит обычно, а не так неформально, как персонал бара.

— Здравствуйте, — мой голос почему-то выходит писклявым.

— Проходи, садись, — указывает глазами на стол напротив своего стола.

Опускаюсь на самый краешек.

— Итак, — начинает женщина, — опыта совсем нет, я правильно понимаю?

— Долгого и постоянного нет, но я немного подрабатывала в одном ресторане.

— Вижу-вижу. — Переводит взгляд с моего резюме на меня. — Ладно, некогда ходить вокруг, да около. Плохо, что ты еще несовершеннолетняя, по ночам очень большой наплыв клиентов, персонал еле справляется. Даже хостесу приходится брать в руки поднос. Но днем нам тоже не хватает одной

официантки.

— Извините, — подаю голос. — Я бы сразу хотела поставить вас в известность, что еще учусь в школе. До конца августа я могу работать днем в любое время, а начиная с сентября, после обеда.

— Мы открываемся в 12, поэтому если ты сможешь приехать на работу к трем, будет нормально.

— Да, к трем я смогу! — радостно восклицаю.

— Хорошо, тогда твой график два/два с трех до десяти. Оформляем по трудовой, зарплата на уровне МРОТ*. Чаевые идут в общий котел и после смены делятся поровну между всеми официантами, барменами и хостесом. Нужно сделать медкнижку. Испытательный срок два дня.

— Я согласна!

— Отлично. Тогда, — бросает взгляд на настольный календарь. — Жду тебя с медкнижкой послезавтра. Форму мы тебе выдадим.

— А какая форма? — осторожно уточняю.

— Короткие топы, мини-юбки и мини-шорты. У нас максимально неформальные клиенты.

— Понятно, — выдавливаю улыбку, стараясь не подавать вида, что уж слишком откровенная форма официанток мне не очень понравилась.

— Тогда послезавтра жду тебя, — улыбается.

— До послезавтра, — вежливо откланиваюсь.

За дверью я мгновение перевожу дыхание, а потом ра-

достно сжимаю ладони в кулаки.

— Йес! Йес! Йес!

В зал я выруливаю со счастливой улыбкой до ушей.

— Взяли, я так понимаю? — подходит ко мне хостес с розовыми волосами.

— Да! Послезавтра принесу медкнижку.

— Поздравляю, я Аня, — протягивает мне руку.

— Маша, — с удовольствием жму ее.

В баре сейчас занято довольно много столиков, посетители увлеченно общаются друг с другом, из колонок льется легкий поп-рок, а официантки в мини только и успевают проноситься между столами.

— Я бы познакомила тебя со всеми, но сейчас очень су-етно. Бармена зовут Вася, — указывает на парня с татухами. — Девочки, которые сейчас работают в зале, Марина, Оля, Яна и Юлия. — Быстро указывает мне рукой на четырех официанток, которые в нашу сторону даже не смотрят. — В общем, давай, ждем тебя, — последний раз мне улыбается и спешит встречать новых посетителей.

Я решаю так быстро не уходить и немножко освоиться. Когда Аня провожает гостей, подхожу к ней.

— А есть сейчас свободный столик? Я хочу немного посидеть, посмотреть меню, попробовать кухню.

— Столы все забронированы, — качает головой. — Если только за бар.

— Давай за бар.

Аня ведет меня к стойке.

— Вась, — окликает парня, который в данный момент наливают пиво. — Познакомься, это Маша, наша новая официантка. Угости ее чем-нибудь.

Хостес быстро удаляется встречать новых посетителей, а я залезаю на высокий деревянный стул. Вася ставит бокал пива перед парнем лет тридцати и подходит ко мне.

— Вася, — протягивает руку.

— Маша, — улыбаюсь ему в ответ. — Я послезавтра выйду на работу, а сейчас хочу посмотреть, как тут у вас и что-нибудь попробовать.

— Пиво пьешь?

— Нет. Что-нибудь безалкогольное есть?

— Могу сделать тебе безалкогольный мохито.

— Давай.

Вася принимается колдовать с ингредиентами, а я беру в руки меню. В основном здесь вредный фастфуд: бургеры, фиш энд чипс, гренки, луковые кольца и кольца кальмара, несколько видов пицц, начос, сырные палочки... Из свежего только салаты: цезарь, греческий, коул слоу...

Вася ставит передо мной стакан с мохито.

— Спасибо.

— Из еды выбрала что-нибудь?

— Да, фиш энд чипс.

Вася подзывает одну из официанток, имя которой я не запомнила, и что-то говорит ей на ухо. Девушка бросает на

меня взгляд, кивает Васе и уходит. Через пятнадцать минут Василий ставит передо мной тарелку фиш энд чипс.

— Приятного аппетита, — подмигивает.

— Спасибо.

Я принимаюсь уплетать свой ужин, продолжая вертеть головой по сторонам. В баре людей становится все больше и больше, и в какой-то момент уже все столики заняты, а новых посетителей рассаживают за стойку. Официантки носят, как угорелые, с подносами, полными еды и напитков. Музыка становится чуть громче, разговоры за столиками тоже. Возраст посетителей — до 35 лет. Мало кто пришел вдвоем, в основном все компаниями.

Чувствую, как по крови разливается адреналин. Мне определенно здесь уже нравится.

МРОТ — минимальный размер оплаты труда, устанавливаемый государством. В Москве с 1 января 2021 года составляет 20 589 рублей

Глава 8.

Я возвращаюсь домой поздно, но несмотря на то, что на улице уже темно, в особняке Громовых никого нет. Мама и Сергей Юрьевич еще не вернулись, Данил, по всей видимости, тоже куда-то свалил.

Интересно, куда родительница уехала на целый день с Громовым-старшим?

Впрочем, мне же лучше, что мамы нет. А то бы обязательно пристала с вопросом, где я была. О том, что я устраиваюсь на работу, говорить матери я не хочу. Надеюсь, с появлением нового мужа у нее теперь каждый день будут дела.

В прекрасном расположении духа я вытягиваюсь на кровати и звоню Аринке.

— Алло, привет, — звенит ее радостный голос.

— Привет. Как дела?

— Нормально. Ты как?

— Я устроилась на работу.

Секундная пауза.

— Что? — громко удивляется. — Куда?

— Официанткой в один бар в центре.

— Зачем!? Маша, ты с ума сошла!

Когда-то я была такой же беспечной, как моя лучшая подруга. Но потом умер папа, и мои ценности резко изменились. Работа официанткой уже не кажется мне второсортной,

а вот для Арины все еще да.

— Затем, что мне нужны деньги, — вздыхаю.

— Зачем? — повторяет, словно попугай.

— Чтобы не жить за счет отца Данила. Мне достаточно того, что я нахожусь в их доме. Еще и деньги Громовых тратить я не собираюсь. — В подтверждение своих слов я поднимаюсь с кровати и выключаю в комнате свет, чтобы не жечь зря электричество.

— Маша, ты ненормальная.

— Нет, я как раз-таки нормальная.

«А вот моя мама — нет», с прискорбием добавляет внутренний голос.

Аринка недовольно цокает.

— Ты их там что, объела? Маш, не говори ерунду.

— Я не буду жить на деньги отца Данила, — упрямо повторяю.

— А если бы это был отец не Данила, а какого-нибудь Васи или Пети, которого ты никогда раньше не встречала?

Вопрос Арины загоняет меня в ступор. Я молчу в трубку, пытаюсь в первую очередь честно на него ответить самой себе.

— Не важно, чей это отец! — наконец, изрекаю. — Главное, что не мой.

— Ну так я и думала. Дело в Даниле.

— Нет!

— Да, Маша. Не обманывай хотя бы себя.

Звонок лучшей подруге уже не кажется мне такой хорошей идеей. Я все-таки надеялась, что Арина за меня порадует.

— Маш, вот тебе не по фиг на Данила? — продолжает. — Ты сто лет его не видела. Какое тебе вообще до него дело?

— Никакого, — быстро отвечаю.

— Вот именно. Зачем ты тогда выдумываешь не пойми что? Зачем тебе эта работа официанткой? А как ты в школу ходить будешь?

— Мне разрешили приходить на работу к трём, — оправдываюсь.

— А уроки когда делать? А к экзаменам когда готовиться? У нас выпускной класс!

— Я надеялась, что ты порадуешься за меня!

— Чему радоваться, Маш? — Арина повышает голос. — Тому что ты себе придумала проблемы на пустом месте?

— Я не буду жить за счет Данила! — рявкаю. — Мне ничего от него не нужно!

— Значит, ты признаешь, что дело в Даниле, а не просто в новом муже твоей мамы?

— Я имела в виду за счет отца Данила, — поправляю себя.

— Нет, ты имела в виду не отца Данила, а самого Данила! Я закатываю глаза и издаю обреченный вздох.

— Почему ты не можешь просто меня поддержать?

— Потому что ты творишь какую-то фигню!

В этот момент снизу доносятся хлопок входной двери и

посторонние голоса, поэтому я решаю прекратить разговор с подругой.

— Ладно, Арин. Мне пора.

— Ну вот, ты на меня обиделась, — произносит грустным голосом.

— Не обиделась. Просто мама вернулась. Сейчас наверняка зайдёт ко мне.

— Маш, подумай над моими словами, — повторяет. — Ну ты правда перегибаешь.

— Хорошо, Ариш. Давай, созвонимся еще. Пока!

— Давай, пока.

Быстро отключаю звонок и отбрасываю телефон в сторону. Мое хорошее настроение резко ушло в отрицательную плоскость. Ниоткуда нет поддержки! Мама занята своей жизнью, а лучшая подруга критикует!

Я продолжаю лежать ужасно злой, когда понимаю, что голоса, которые доносятся снизу, — это не мать и Сергей Юрьевич. Это Данил и его дебильные друзья.

Поднимаюсь с постели и тихонечко открываю дверь комнаты. Так и есть. Данил в гостиной на первом этаже со своей компанией. Увлечённо болтают и смеются.

— Ну что, Гром, какие планы на жизнь? — спрашивает знакомый мужской голос.

— Да никаких особо. В институте учиться буду.

— Как хорошо, что мы наконец-то совершеннолетние! — визжит женский голос, который я узнаю даже спустя четыре

года. Стерва-Даша. — Мы теперь можем ходить в ночные клубы! Кстати, а давайте сходим?

— Давайте, — соглашается Данил.

Не могу удержаться и хмыкаю. Кто бы сомневался!

— В «Малину»? — предлагает Даша.

Хочется присвистнуть. А запросы у нее не маленькие. «Малина» — один из самых дорогих и элитных ночных клубов Москвы.

— Может, в «Голд»? — Данил называет еще более элитный клуб.

— Он закрылся, — разочарованно произносит стерва.

— Да? Давно?

— Уже несколько лет.

— Как много, однако, изменилось в Москве, пока меня не было!

— Давайте в «Малину», — соглашается до боли знакомый мужской голос.

— А мне в «Фифти» нравится, — произносит другая девушка.

— Мне все равно, куда. — Говорит Данил. — Выбирайте сами.

— Тогда я забронирую столик в «Малине»! — Я не вижу Дашу, но почему-то мне кажется, что она подпрыгнула от радости.

Во мне вдруг просыпается давно забытое чувство: смесь обиды, злости и безысходности. Раньше я испытывала его

каждый раз, когда оказывалась в компании друзей Данила и ловила на себе их насмешливые взгляды.

В груди загорается дикое желание напакостить Громову. Конечно, я прекрасно помню, как он велел мне не высываться из своей комнаты, когда к нему будут приходить друзья. Тихо прикрываю дверь, включаю свет и снимаю с себя деловую юбку и блузку, в которых ходила на собеседование. Быстро натягиваю короткие джинсовые шорты и топ, оголяющий пупок. Прохожусь по лицу пудрой, подкрашиваю губы блеском. По венам шпарит адреналин, но я полна решимости.

— Всем привет! — громко здороваюсь, спускаясь по лестнице.

В мою сторону оборачиваются четыре головы. Сева — вот кому принадлежит мужской голос, показавшийся мне очень знакомым. При виде этого парня я слегка теряюсь, но быстро беру себя в руки и продолжаю спускаться по ступенькам.

— Маша!? — восклицает Сева и поднимается с дивана. — Это ты!?

На юбилее Сергея Юрьевича Савелия не было, а я уже и забыла о его существовании. Сева почти не изменился. Только стал выше и взрослее. Может, сильнее. Голубоглазый блондин простоватого вида. С виду добрый парень, но на самом деле такой же мерзкий, как и они все.

Боже, как я могла не узнать его голос!?

— Привет, Сев, — стараюсь не подать вида, что его при-

сутствие застало меня врасплох.

Громов сидит, сцепив челюсть, и смотрит на меня уничижительным взглядом.

— Данил, что она тут делает? — растерянно мямлит Даша.

Я выгибаю бровь.

— А Данил тебе разве не сказал? Мы живем вместе.

— Что!!??? — Даша вслед за Севой поднимается с дивана.

— Я сказала, что мы с Данилом живем вместе, — развожу губы в приторной улыбке.

Мои слова имеют эффект разорвавшейся бомбы. Стерва переводит изумленный взгляд с меня на Данила и обратно. Сева разевает рот. Рыжая девушка в кресле недоуменно хлопает ресницами. Красный от злости Громов, кажется, из всех сил сдерживается, чтобы не убить меня.

Ну а что? Мы ведь действительно живем вместе. Я говорю чистую правду.

— Да я просто спустилась поздороваться с вами, ребят. — Бросаю взгляд на часы. — Дань, не засиживайся долго, уже поздно.

И с чувством невероятного триумфа я поднимаюсь наверх.

Глава 9.

ДАНИЛ

Маша поднимается вверх по лестнице, виляя задницей в коротких шортах, и я обращаю внимание, что Сева на неё пялится. Моя злость увеличивается в геометрической прогрессии. Мне хочется втащить Савелию, а потом рвануть на второй этаж вслед за Машкой и надавать ей по этой самой заднице.

— Даня, это правда? — могильным голосом спрашивает Даша. — Вы с ней действительно живете вместе?

У меня нет возможности трезво соображать. Машина выходка может иметь очень серьёзные последствия, и любое сейчас сказанное мною слово рискует сыграть против нас.

— Ребят, извините, но вам лучше уйти, — я поднимаюсь на ноги, поторапливая тем самым друзей.

— Даня, да это бред какой-то! — не успокаивается Даша. — Я не верю, что ты живешь с ней, — «с ней» она произносит настолько пренебрежительным тоном, что это режет мне слух. — Да это прикол какой-то! Твоя подруга решила нас развести, а ты ей подыгрываешь, — на последних словах Даша слегка смеётся, будто это действительно была шутка.

— Гром, это был не смешной прикол, — присоединяется Сева.

— А тебе то что? — наезжаю на него.

— Слушайте, ребята, — из кресла встает Аля. — Уже поздно, пора домой.

Я благодарен рыжей за то, что она правильно понимает намёк. Да даже не намёк, я прямым текстом говорю им всем, чтобы убирались.

— По поводу клуба потом скажи, Даш, на какой день бронируешь столик, — друзья так и продолжают стоять, не двигаясь, поэтому я сам подхожу к входной двери и открываю ее для них.

Даша и Сева наконец-то отмирают, и троица с растерянными лицами дружно направляется на выход.

— Девочки, подождите меня у машины, — велит им Сева, когда мы спускаемся по ступенькам крыльца.

Даша и Аля послушно выходят за ворота, а вот Савелий остаётся со мной. Хочет поговорить. Но я сейчас настолько злой, что кулаки сжимаются сами собой.

— Гром, вы с Машей встречаетесь?

Я смотрю в лицо друга, но не вижу его. Прямо сейчас в эту самую секунду у меня перед глазами стоит картина четырехлетней давности, и мне приходится сдерживать злость из последних сил.

— А у фразы «мы живем вместе» может быть какой-то ещё смысл?

В нашем с Машей случае смысл действительно другой, но Севе об этом знать не следует. По крайней мере пока.

— Я помню, что Маша младше нас на год. Ей семнадцать,

Гром.

Ппц, как тяжело держать себя в руках. Мысленно я уже десять раз выбил Севе зубы.

— Сева, ты хочешь мне что-то сказать? — повышаю голос.

Друг смеряет меня внимательным взглядом.

— А как ей вообще родители разрешили с тобой жить? Она же ещё в школе учится.

Ладонь против моей воли опускается на плечо Савелия.

— Сева, а давай ты не будешь лезть не в своё дело? — взглядом даю ему понять, что не шучу. — Тебе не следует проявлять к Маше интерес.

— Это еще почему? — произносит с вызовом.

— Ну ты же слышал, мы живем вместе.

— Да это какая-то разводка! — смеётся. — Я помню, что у Маши очень хорошее чувство юмора.

Помнит он.

— А давай ты забудешь все, что касается Маши? — цежу сквозь зубы.

Савелий прищуривают глаза, но вслух ничего не говорит. Оценивает мое состояние.

— Сев, мы же с тобой друзья? — продолжаю.

— Да, конечно.

— Тогда я по-дружески тебя прошу, — делаю акцент на слове «по-дружески». — Держись от Маши подальше.

Савелий фыркает и делает шаг назад, чтобы сбросить со

своего плеча мою руку.

— И когда же вы с Машей успели съехаться? — спрашивает с сарказмом. — Ты чуть больше месяца, как вернулся.

Мое терпение лопается. Я делаю резкий шаг к Севе и хватаю его за грудки.

— Я не шутил, когда говорил тебе держаться от Маши подальше четыре года назад, я не шучу и сейчас, — шиплю ему в лицо. — Не смей приближаться к ней.

Сева толкает меня в грудь, и я все-таки выпускаю его из захвата.

— Остынь, Гром.

— Сева, ты идёшь? — раздаётся из-за ворот визгливый Дашин голос.

— Иду! — кричит ей и делает несколько шагов назад, продолжая сверлить меня взглядом. Наконец, разворачивается и скрывается за калиткой.

Как только заводится автомобиль, я возвращаюсь в дом и избегаю вверх по ступенькам. В Машину комнату я решаю войти без стука. Распахиваю дверь и сразу натываюсь взглядом на девушку. Она стоит, облокотившись на письменный стол и скрестив на груди руки. Ждет меня.

— Ну и что это было? — делаю к ней шаг.

Пожимает плечами.

— Поздоровалась с твоими друзьями. А что такого? — и глазками блым-блым.

Сама простота.

Не могу удержаться и внимательно оглядываю ее соблазнительное тело. Маша стала еще красивее. Занятия художественной гимнастикой не прошли для девушки даром, она очень гибкая, у нее идеально ровная осанка, стройные ноги.

Черт, я не хочу и не должен так на нее смотреть. Поднимаю взгляд к лицу.

— Я не просто так говорил, чтобы ты не выходила из своей комнаты, когда ко мне будут приходить друзья, — строго произношу.

— Пф, — закатывает глаза.

— Маша, ты знаешь, почему мой отец и твоя мама женятся?

Вопрос застаёт ее врасплох. Маша на мгновение теряется, но тут же берет себя в руки.

— Потому что любят друг друга...? — скорее, спрашивает, чем утверждает.

Ее предположение вызывает во мне волну смеха. Какая же она еще наивная.

— Нет, Маша, — отвечаю, отсмеявшись. — Они женятся по расчету. Твоей маме нужны деньги, а моему отцу образцовая семья, поскольку он собирается пойти на выборы губернатора Подмосковья и готовится к предвыборной кампании. Именно поэтому он вызволил меня из Швейцарии и отправил в московский институт. Сын будущего губернатора должен учиться в России.

Маша даже не пытается скрыть своего удивления. Я не

знаю, задели ли девушку слова о том, что ее матери нужны деньги, но сейчас я не собираюсь быть тактичным. Маша растерянно хлопает ресницами, не произнося ни звука.

— Совсем скоро дом превратится в предвыборный штаб, а наша жизнь будет, как на ладони, — продолжаю. — Я все еще надеюсь договориться с отцом не втягивать во все это хотя бы тебя, но шансов, что у меня получится, мало. Твоя мама жаждет не только денег, но и славы. Именно поэтому я не хотел, чтобы хоть кто-то, включая моих друзей, видел тебя раньше времени. Но ты понимаешь, что ты сделала своей сегодняшней выходкой? Что про нас будут говорить, когда отец публично объявит об участии в предвыборной гонке?

Маша продолжает молчать в ступоре. Ее грудь высоко вздымается, выдавая шоковое состояние девушки.

Я, конечно, тоже хорош. Вместо того, чтобы опровергнуть ее слова, считай, подтвердил их в разговоре с Севой. Но он так провожал Машину спину взглядом, что я не мог иначе.

Делаю к девушке еще один небольшой шаг и почти оказываюсь вплотную. Ярость отступает. Я никогда не мог долго злиться на Машу. А сейчас, когда стою к ней так близко, понимаю, что прошу этой девушке абсолютно все. Четыре года таил на Машку обиду, а она растворилась сразу, как только я увидел девушку.

Делаю к Маше последний шаг и опускаюсь руками на стол по боками от ее тела. Она испуганно выгибается назад, но я все равно настолько близко, что чувствую девчачье дыхание

с запахом клубники.

— Данил, отойди от меня, — старается произнести уверенно, но я замечаю дрожь в ее голосе.

— Зачем? — склоняюсь еще чуточку ниже.

— Ты нарушаешь мое личное пространство.

Тихо смеюсь.

— Имею право.

— Ты не имеешь никакого права! — вздёргивает подбородок. Она перестаёт отклоняться назад, поэтому наши лица разделяют всего несколько сантиметров.

— Как это не имею? Мы же живем вместе.

— Я имела в виду, что мы живем вместе в прямом смысле слова. А что там подумал ты и твои друзья, я понятия не имею.

— Они подумали ровно то, что ты хотела, чтобы они подумали, — убираю руку со стола и опускаю ей на талию.

Дергается, как ошпаренная. Я быстро кладу вторую ладонь.

— Не прикасайся ко мне! — орет.

Я сильнее сдавливаю женскую талию. Девушка пытается вырваться, а в итоге врезается мне в грудь и так и замирает.

— Данил, отпусти меня немедленно, — требует.

— Не-а.

Склоняюсь носом к ее макушке и закрываю глаза от удовольствия. Одуреть можно. По венам шпарит адреналин, а сердце колотится, как бешеное.

Машка...

— Не смей ко мне прикасаться! — силой сбрасывает с себя мои руки и отбегает к кровати. — Слышишь!? Никогда, Данил, не смей ко мне прикасаться!

Ее слова врезаются под кожу, словно пули.

— Убирайся вон из моей комнаты!

Снизу раздается громкий хлопок входной двери и противный голос Анжелы Борисовны:

— Дети, мы дома!

Молча разворачиваюсь и выхожу из спальни.

Я всегда знал, что однажды Маша вырвет мое сердце. Но она не просто его вырвала, она еще и хорошенько по нему потопталась.

Глава 10.

Данил уходит из моей комнаты, а я остаюсь дрожать, как осиновый лист. Его слова повергли меня в шок. Просто в голове не укладывается...

— Дорогая, чего не выходишь поздороваться? — в комнату заходит мама.

— Почему вы женитесь? — сходу на нее налетаю.

На мамином лице проскальзывает удивление.

— Ты это сейчас к чему?

— Ты выходишь замуж из-за денег, это я уже поняла. А Сергей Юрьевич почему на тебе женится?

Мама быстро закрывает в мою комнату дверь. Я знаю, что Данил находится за стенкой и, возможно, будет слышать наш разговор, но мне уже все равно.

— Машуня, — мама начинает сахарным голоском. — Мы с Сережей давно знакомы, не первый год соседи. В какой-то момент мы посмотрели друг на друга по-другому...

— В какой именно момент, мама? — почему-то на глаза наворачиваются слезы. — Когда на тебя свалились папины долги, а он решил пойти на выборы губернатора и стал искать подходящую для этой роли жену?

Мама набирает в грудь побольше воздуха.

— Я так понимаю, ты уже все знаешь.

— Да. Данил мне рассказал. Вы женитесь из-за взаимной

выгоды!

— Маша, ты еще слишком маленькая и веришь в сказки про большую и вечную любовь. Вот только жизнь не сказка.

— Поэтому жениться надо по расчету?

— Жениться надо по уму. — Внимательно на меня смотрит. — Маша, я тебе сейчас скажу одну важную вещь. Браки бывают трех типов: по любви, по расчету и по уму. По любви — это когда с милым рай и в шалаше. У меня так было с твоим папой, — на этих словах она брезгливо кривит лицо, что меня сильно задевает. — По расчету — это когда и с толстым, и со старым — лишь бы был богатый. А по уму — это как у меня с Сережей. Нам хорошо друг с другом, он делает меня счастливой, а я его. Но, конечно, будь он красивым, но бедным, или богатым, но страшным, я бы за него замуж не пошла.

До чего же противно это слышать. Поверить не могу, что моя мама вот такая. И самое ужасное — Данил это понимает. Громову прекрасно известно, что моя мама выходит замуж за его отца только ради денег.

Чувствую, как от этой мысли стремительно краснеют щеки. Сквозь землю провалиться можно.

— И что теперь? — выдавливаю из себя.

— В каком смысле? Ничего страшного не случилось, Маша! Завтра поедem с тобой в свадебный салон выбирать мне платье! — мама от радости прихлопывает в ладоши.

— У меня нет желания выбирать тебе свадебное платье.

Это правда. Ну и еще завтра мне надо ехать в поликлинику за медкнижкой для работы. Я написала смс заму главного врача, который делал медкнижки сотрудникам папиного ресторана, и он согласился помочь. У меня нет недели, чтобы честно проходить всех врачей. Меня ждут на работе через два дня.

— Маша, на что ты обиделась? — упирает руки в боки.

Действительно, на что я обиделась? Возможно, на то, что Данил знает, что моей матери нужны деньги Громовых?

— А что с выборами? — перевожу тему.

— Ой, они еще не скоро, — машет рукой.

— Когда?

— В конце марта.

— Через полгода, значит. А свадьба у вас когда?

— Пока непонятно. — Закатывает глаза. — Хотели в декабре, но кое-кто из очень важных гостей в это время будет отсутствовать, поэтому, возможно, в феврале. Ну и надо согласовать свадьбу с Сережиным политтехнологом, когда ее лучше делать с точки зрения пиара.

— Что!? — восклицаю. — Какой еще пиар на свадьбе?

— Пиар — это обязательная часть жизни любого политика. А учитывая, что у Сережи скоро выборы — так тем более.

Сергей Юрьевич и сейчас чиновник. Работает в каком-то министерстве.

— В общем, Маш, завтра мы с тобой едем выбирать мне платье, — мама разворачивается к двери.

— Я не поеду. У меня другие планы.

— Какие? — удивляется.

— С Ариной встречаюсь, — выдумываю на ходу.

— Твоя Арина подождет, — строго говорит. — А завтра мы едем в свадебный салон, и это не обсуждается.

Я не люблю ругаться с мамой. Во многом это из-за того, что ее не переубедить. Она, как истинный овен, если уперлась башкой в стену, то это навсегда. Можно с ней спорить, доказывать свою точку зрения, но все будет бесполезно.

— Только во второй половине дня, — нехотя соглашаюсь.

В первой половине я все-таки поеду в поликлинику.

— Да, во второй половине. Я записана на три часа дня. Данил!

Я резко дергаюсь, когда мама, сделав шаг в коридор, кричит его имя.

— Я тут, — открывает дверь своей спальни.

По телу снова бегут неприятные мурашки. Я не вижу Громова, но все равно испытываю ужасное чувство стыда перед ним.

— Мы с Машей завтра едем в свадебный салон выбирать мне платье. Хочешь с нами?

Мое лицо полыхает адским пламенем испанского стыда. Господи, если можно от позора потерять сознание, то я в шаге от этого.

— С удовольствием! — отвечает нарочито радостно. — Мама, — добавляет в конце.

— Прекрасно! Завтра в два часа дня выезжаем.

Не успевает родительница отойти от двери Данила, как он ее уже с шумом захлопывает, показывая свое реальное отношение к ситуации. Но маму это ничуть не смущает. Пожелав мне спокойной ночи, она удаляется на свой третий этаж, оставляя меня глотать слезы. Я усердно сдерживала их при ней, но как только по лестнице послышались ее шаги, соленые капли сами потекли по щекам.

Я опускаюсь лицом в ладони и начинаю рыдать навзрыд от позора за свою маму. Не знаю, сколько я так всхлипываю, пока дверь моей комнаты тихо не открывается. Мне не нужно поднимать лицо, чтобы узнать, кто пришел, услышав, что я плачу.

— Мне ничего от тебя не нужно!

— Я знаю, — тихо говорит, нависая сверху.

— Как только мне исполнится 18 лет, я отсюда съеду! — принимаюсь размазывать по лицу сопли и слезы.

Данил шумно выдыхает и почему-то мне кажется, что он приподнимает уголки губ в снисходительной улыбке.

— Мне не нужны твои деньги! — зло бросаю.

— Я знаю, — повторяет.

— И ты мне не нужен!

— Это я тоже знаю.

Ладони Данила мягко опускаются мне на плечи, заставляя замереть. Мне ужасно стыдно поднять на него лицо. Ужасно стыдно за свою корыстную мать, которая просто хочет удач-

но выйти замуж за его отца и ничего больше не делать.

Почему из всех богатых мужчин моя мама выбрала именно папу Данила!?

— Маша, я знаю, что ты не такая...

Данил резко осекается. Готова поклясться на что угодно. Он хотел сказать «не такая, как твоя мама», но вовремя захлопнул рот.

Скидываю с плеч его руки.

— Не надо быть со мной милым, — шиплю. — Мы больше никогда не будем друзьями!

— Ты права, — тут же соглашается. — Мы больше никогда не будем друзьями.

И хоть я давно вычеркнула Данила из своей жизни, мне все равно больно слышать от него эти слова. Я считала его своим лучшим другом. Громов был мне даже ближе, чем Арина. А он оказался таким... И сейчас открыто подтверждает это, говоря, что друзьями нам больше не быть.

— Найди себе, Маш, какого-нибудь другого друга, с которым ты вместе будешь делать уроки. Но я точно больше не буду для тебя таким другом.

На этих словах он удаляется, лишь сильнее укрепляя меня в мысли о его предательстве.

Глава 11.

— Маша, где ты была так долго!? Только тебя ждем! — налетает на меня мама, не успеваю я переступить порог дома Громовых.

В гостиной она вдвоем с Данилом. В глубине души я надеялась, что он пошутил, когда согласился поехать со мной и матерью в свадебный салон выбирать ей платье. Но, по всей видимости, не пошутил.

— Ездила по делам.

— По каким еще делам?

За медкнижкой для работы.

— С Ариной встречалась.

Маму мой ответ полностью удовлетворяет, а вот Данил прищуривает глаза и смотрит на меня с подозрением. Не поверил.

Да мне, в общем-то, наплевать.

Дорога до свадебного салона в центре Москвы занимает полтора часа. Это неожиданно, но мы едем на машине Данила, ключи от которой Сергей Юрьевич у него забрал. Но как-то слишком быстро вернул.

Я сижу на заднем сиденье и все время ощущаю на себе взгляд парня в зеркале. В какой-то момент мне уже хочется сделать ему замечание и попросить следить за дорогой, а не за мной. Неуютно мне под его взглядом. Что-то коробит и

царапает на душе. Поэтому я все время в машине пялюсь то в телефон, то в окно, а параллельно нервно дергаю ногой в ожидании, когда мы приедем.

Данил не остаётся ждать в автомобиле, а заходит с нами в салон. Он что, реально будет выбирать с нами свадебное платье!? Ему заняться больше нечем? Похоже на то.

— Я хочу померить вот эти платья, — мама показывает продавцу-консультанту фотографии на телефоне.

— Хорошо, сейчас принесу. Пока проходите в примерочную. — Оборачивается к нам с Данилом. — Вода? Чай? Кофе? Шампанское?

— Ничего, — быстро отвечаю.

— Мне кофе, пожалуйста, — просит Данил, вальяжно усаживаясь рядом со мной на диванчике напротив примерочной.

Диванчик не сказать, что большой, поэтому его нога в джинсах касается моей в короткой юбке.

— Где ты была утром? — тихо спрашивает.

— Что? — вопрос Данила настолько неожиданный, что я поворачиваю к нему голову.

— Куда ты ездила утром?

Несколько секунд я смотрю на него, недоуменно хлопая ресницами.

— Я же сказала: с Ариной виделась.

Зачем я вообще что-то ему отвечаю?

Правая бровь Данила ползет вверх.

— Неужели?

— А тебе вообще какое дело, где я была? — рывкаю. — Я не собираюсь перед тобой отчитываться.

На мое счастье, в этот момент приходит продавец-консультант с охапкой свадебных платьев. Она развешивает их у примерочной, а потом с одним пышным белым ныряет к маме. В этот момент другая девушка подает Данилу кофе.

Салон красивый. Я с любопытством верчу головой по сторонам. Яркое освещение, белый мрамор на полу, высоченные потолки. И повсюду платья. У нескольких других примерочных на таких же диванчиках сидят девушки с бокалами шампанского в руках и дружно раздают советы невестам в платьях.

— Это лучше, чем предыдущее, — громко говорит одна, делая глоток алкогольной газированной жидкости.

Невеста хмурится.

— А мне все равно не нравится.

Консультант подает ей новое платье.

Наверное, это прикольно — вот так выбирать себе свадебное платье с лучшими подружками. Как в американских фильмах.

— Ну что скажете? — врывается в уши мамин голос.

Я отрываюсь от девушек у соседней примерочной и возвращаю внимание родительнице.

— Красиво! — восклицает Данил.

— Мам, ты в этом платье похожа на торт, — честно ей

говоря.

— Почему? — удивляется.

— Зачем такое пышное? Кто сказал, что замуж должна выходить Екатерина вторая?

На ней платье, как из 19 века. В таких тогда ходили на балы. Под этой пышной юбкой, кстати, легко можно спрятать человека.

— Я невысокого роста, мне не подойдет платье-рыбка, если ты об этом! И Данил сказал, что красивое.

— Можно померить платье А-силуэта, — встречается консультант.

— Давайте сначала те, что я показала, — мама скрывается за тяжелой занавеской примерочной.

Я смотрю на Данила.

— Зачем ты сказал, что это было красивое платье, если оно на самом деле ужасное? У тебя все настолько плохо со вкусом?

Он тихо смеется.

— Эта свадьба и так будет цирком. Если устраивать балаган, то по полной программе.

Ах вот оно что. Он теперь специально все некрасивые платья будет называть красивыми и сбивать маму с толку.

Следующее платье не такое пышное, как первое, но не менее ужасное. Господи, что случилось с мамой? Она же всегда умела стильно одеваться! Так почему на собственную свадьбу она выбирает такие наряды? Это с каким-то уж очень

глубоким декольте. Неприлично глубоким.

— Сереже понравится, — мать довольно осматривает себя в зеркало.

— Помимо него тебя в этом платье увидит еще сотня человек, мам. Слишком глубокий вырез. Не надо такое.

— А мне нравится, — заявляет Данил, делая глоток кофе. — Вам идет, Анжела Борисовна. Ой, то есть, мама, — быстро поправляет себя.

Не выдерживаю и пихаю его коленом в ногу.

— Заткнись, — шиплю.

В ответ он лишь тихо смеется.

Я поднимаюсь с места и подхожу к висящим на крючках платьям, которые принесла маме консультант. Внимательно изучаю каждое и прихожу к выводу, что они все ужасны: то излишне пышные, то излишне откровенные.

— Принесите, пожалуйста, платья А-силуэта, — обращаюсь к сотруднице салона. — И чтобы грудь и спина были закрыты.

— Я сначала померяю эти! — влезает мама. — Давайте следующее.

Консультант слушает родительницу, а не меня.

Померив еще четыре наряда, мама все-таки соглашается на А-силуэт. Платья такого фасона действительно больше ей подходят. Нет вычурности и ощущения, что это не невеста, а торт. Но Данил своими саркастичными комментариями все-таки заставил меня понервничать. Я до последнего боялась,

что мама послушает его и остановит выбор на одном из первых нарядов.

— Сколько времени займет подгон платья под меня? — мать рассматривает себя в зеркало.

На ней платье кремового цвета, а он лучше подходит к ее белой коже. С чисто белыми платьями мама сливалась. На туловище оно расшито кружевом, юбка с небольшими блестками, красиво мерцающими при ярком освещении салона.

— От пары недель до месяца, — отвечает консультант. — Обращаться в ателье лучше непосредственно перед свадьбой.

— Ладно, я подумаю насчет него.

Мама разворачивается от зеркала ко мне.

— Маша, тебе тоже надо подобрать платье. Ты будешь моей подружкой.

— Что!? Я не хочу! — восклицаю в испуге.

— Маша, хватит вредничать! — переводит взгляд все на того же консультанта. — Помогите подобрать платье подружки невесты для моей дочки.

— Да, конечно, — тут же соглашается, пока моя челюсть медленно отвисает. — Какая у вашей свадьбы цветовая гамма?

— Ой, мы еще не занимались этим.

— Мама, я не буду подружкой невесты, — настаиваю.

Я говорю это слишком громко. На нас оглядываются другие посетители салона, и я начинаю чувствовать себя неуют-

но из-за того, что устраиваю разборки с родительницей прилюдно. Это снова тот самый случай, когда с мамой лучше не спорить. Никакой подружкой невесты я не буду, но сейчас скандал на этот счет лучше не начинать.

— Маша, — мама взглядом дает мне понять, что ее решение не обсуждается. — Мы сейчас выберем тебе платье.

— Так какого цвета платье подбирать? — уточняет продавщица.

— Любого, — бурчу.

— Да, — соглашается мама. — Давайте разных цветов посмотрим. Может, мы в итоге под Машино платье и всю остальную свадебную палитру подберем.

Я не собираюсь принимать участия в выборе наряда. Мне все равно, что мама захочет на меня натянуть. Я настолько погружаюсь в свои грустные мысли, что даже не сразу замечаю, как Данил куда-то уходит.

Мама с сотрудницей салона приносят охапку платьев самых разных цветов и фасонов, и я послушно занимаю место в примерочной. Мне ничего не нравится. Одно платье розово-пороссячьего цвета, второе слишком короткое, третье с пышной юбкой (кажется, после сегодняшнего дня на такие у меня будет аллергия). Родительница тоже недовольна. Но она подходит к выбору моего наряда еще и с точки зрения цветовой палитры всей свадьбы.

— Пускай Маша померяет вот это, — Данил с платьем в руках возникает перед нами, словно черт из табакерки.

— Симпатичное! — мама подскакивает с дивана, чтобы пристальнее разглядеть наряд. Оставшись довольной, переводит взгляд на меня. — Маша, померяй.

Я стою в ступоре и не знаю, как реагировать. Данил уходил выбирать мне платье?

— Мне нравится то, что на мне, — быстро вру. А на мне сейчас платье золотого цвета с пышной юбкой по колено. Отвратительное.

— Маша, померяй! — командует родительница. Она берет из рук Данила вешалку и передает ее консультанту.

Моего мнения никто не спрашивает. Сотрудница салона задвигает штору и расстегивает молнию золотого безобразия, чтобы снять его с меня. Машинально передвигаю ноги, смирившись с ситуацией. Надеюсь, платье Данила окажется таким же отвратительным, как предыдущие.

Но нет. Оно прекрасное. Лилового цвета, расшитое бисером на туловище. Длинное, но благодаря легкой ткани и разрезу чуть выше колена не кажется тяжелым.

— Очень вам идет, — тихо говорит консультант, улыбаясь мне в зеркале.

Она отодвигает в сторону штору примерочной, представляя меня суду мамы и Данила.

— Какая красота! — мама прихлопывает в ладоши.

— Мне не нравится, — резко заявляю.

— Маша, тебе так идет лиловый! — родительница приближается ко мне и проходится по платью придирчивым

взглядом. — И, кстати, мне кажется, что лиловый можно сделать основным цветом свадьбы, — поворачивается к Данилу. — Что думаешь?

— Отличная идея, — отвечает ей, не отрываясь от меня.

В моей груди бушует возмущение. Да что он о себе возомнил!? Кто разрешил ему выбирать мне одежду? И почему он так на меня смотрит?

— Ужасное платье, — бросаю со злостью. — Отвратительное. И цвет дебильный.

— Маша, хватит вредничать, — строго заявляет мать. — Мы берем его, отнесите на кассу, — обращается к продавщице.

Я сама задерживаю штору примерочной и тороплюсь сорвать с себя наряд.

— Осторожнее! — просит продавщица и перехватывает у меня инициативу по расстегиванию молнии.

Я быстро натягиваю свою джинсовую юбку и майку и с горящими щеками вылетаю пулей из примерочной. Подожду их на улице.

Но через панорамное окно салона мне прекрасно видно, что происходит внутри. Продавец несет платье на кассу, мама поспевает за ней, не переставая о чем-то тараторить. Данил следует позади. Консультант кладет на кассу наряд и поворачивается к маме, что-то ей отвечает. Пока родительница увлеченно болтает, Данил достает из кошелька банковскую карту и расплачивается за платье.

Возмущение уже начинает литься из меня водопадом. Я жадно хватаю ртом воздух, теряясь, что делать дальше: надавать Громову по щекам, прямо у кассы разорвать в клочья платье или бросить тут их обоих, развернуться и уйти? Возможно, мне следует сделать все это по очереди.

Но вместо этого я продолжаю стоять у окна и наблюдать за происходящим в салоне. Вот кассир упаковывает платье в коробку и засовывает ее в фирменный пакет. Вот Данил берет его в руки. Вот мама наконец-то заканчивает болтать и поворачивается к кассе, но Данил демонстрирует ей покупку, мол, я уже оплатил. Вот родительница что-то отвечает ему с улыбкой и прощается с сотрудницами салона. И вот они вдвоем выходят на улицу.

— Я решила это свадебное платье пока все-таки не брать,
— тараторит мать, шагая к машине.

— Почему? — спрашивает ее Данил, неся в руках пакет с купленным для меня нарядом.

— Хочу еще в пару салонов съездить, посмотреть, что там есть. — Обращивается ко мне. — Но тебе, Маш, мы купили хорошее платье.

«Мы купили».

ОН КУПИЛ!!!!

Я не надену это платье.

Молча залезаю на заднее сиденье машины, не принимая участия в их разговоре. Пытаюсь успокоить себя тем, что Данил оплачивал не своими деньгами, а деньгами своего отца.

Он ведь не работает. Какая разница, мама бы расплатилась картой, на которую перевел средства Сергей Юрьевич, или Данил?

Но мама сдала наш дом в аренду и получила от квартирантов деньги за первый и последний месяц. Это не маленькая сумма. Я точно помню, что, когда они заехали, сделали маме перевод по номеру телефона. А у нее только одна карта. То есть, если бы мама расплачивалась сейчас своей картой, то это были бы деньги за наш дом.

Из груди вырывается шумный выдох. Я достаю из сумочки солнечные очки и надеваю их на лицо, чтобы скрыть выступившие слезы.

— А кто будет другом жениха на свадьбе? — спрашивает Данил у мамы.

— Никто. Сережа об этом еще даже не думал.

— Тогда я буду.

— О, это замечательно, Данил! Твой папа очень обрадуется.

Ну зашибись.

Глава 12.

— Маш, за пятым столиком посетители долго ждут! — кричит мне официантка Оля.

Первый рабочий день проходит очень не просто. Я ношусь в мыле между столиками, а все равно не успеваю. Официантов мало, клиентов много, а ведь каждому из них еще надо улыбаться и демонстрировать радушный прием. Это очень тяжелая работа.

Обеденный перерыв всего полчаса, и все эти 30 минут я сижу без сил в подсобке для персонала.

— Устала? — участливо спрашивает бармен Вася.

— Умираю, — вытягиваю ноги на табуретку напротив.

— Коктейльчик хочешь?

— Нет, спасибо.

— А ты ела?

— Нет, что-то я без аппетита.

— Не, ну так дело не пойдет, — категорично заявляет и открывает холодильник для сотрудников. Достает оттуда йогурт и яблоко и кладет на стол передо мной. — Поешь.

— Ой, Вась, да у меня правда аппетита нет.

— Ешь давай, а то к концу смены совсем свалишься. Под вечер поток клиентов только увеличится.

Для себя Вася достает из холодильника контейнер с едой, греет его в микроволновке и садится со мной за стол. Мне

неудобно перед парнем, поэтому я беру яблоко и откусываю кусочек.

— Ты давно тут работаешь? — спрашиваю, прожевав.

— Два года.

— Прилично.

— Да, но пора уже уходить.

— Почему?

— У меня начинается третий курс универа, надо искать работу по специальности.

— А на кого ты учишься? — еще раз кусаю яблоко.

— На юриста. У меня была в этом месяце практика в юридической компании, мне предложили там остаться, но стажерам они совсем мало платят. Здесь я больше зарабатываю, поэтому отказался. А сейчас думаю, что зря. Не буду же я всю жизнь коктейли делать, надо уже и по профессии что-то искать.

В этот момент в голову вдруг некстати закрадывается вопрос: а в какой институт поступил Данил? На кого он будет учиться?

— А ты где учишься? — пробивается сквозь мысли вопрос Васи.

— Я еще в школе. 11 класс начинается.

Вася удивленно таращит на меня глаза.

— А сколько тебе лет?

— Семнадцать.

Парень отложил вилку в контейнер с пловом и без зазре-

ния совести рассматривает меня с головы до ног.

— Выглядишь старше, — констатирует.

— Это комплимент? — пытаюсь пошутить.

— Не знаю, реши сама. И ты будешь работать в ночные смены?

Качаю головой.

— Нет, я только днем.

— Ну готовься к тому, что управляющая Лена попросит тебя подменять кого-то и ночью.

— Ээ-э, — теряюсь. — Но я же несовершеннолетняя.

— Ну и кто об этом знает, кроме нас? — скептичен.

— А вдруг проверка какая-нибудь нагрянет...

— Я за два года не видел тут ни одной проверки. Сейчас же эти, как их, — морщится, вспоминая. — Надзорные ка-
никулы! Типа не кошмарить малый бизнес и все такое. Про-
веряющие органы могут проводить только внеплановые про-
верки малого и среднего бизнеса, а на плановые у них мора-
торий от государства.

Я удивленно смотрю на парня, даже перестав кусать ябло-
ко.

— А если придет ночью внеплановая проверка?

— Ну за два года, что я тут работаю, ни разу никто не при-
ходил. Да и что тут у нас проверять? Бар работает полностью
вбелую: карты принимаем, налоги платим, все сотрудники
оформлены по трудовой, курить в помещении не разрешаем,
при заказе алкоголя просим показать паспорт.

— Понятно.

Я вдруг вспоминаю, что в папиных ресторанах тоже никогда не было проверок. Я могла многого не знать, но совершенно точно отец ни разу не жаловался, что в заведение пришли контролирующие органы и не дают работать.

— Но ночью работать лучше, чем днем, — продолжает Вася. — Чаевых больше.

А вот это уже интересная информация.

Дожевав яблоко и съев йогурт, я возвращаюсь обратно в зал и беру в руки поднос. Посетители и так оставляют очень неплохие чаевые, это сколько же зарабатывают официанты по ночам? Если здесь каждый день такие доходы, а не только сегодня, то я очень быстро смогу скопить приличную сумму денег. Может, даже получится снимать небольшую квартиру в Москве.

По итогам работы в первый день у управляющей Лены нет ко мне нареканий, у других официанток тоже. Но испытательный срок два дня, поэтому еще и завтра я буду работать только за чаевые. Если снова все пройдет нормально, то меня оформят в штат.

Клиенты преимущественно противные. Одна мне высказывала за то, что я принесла ей остывший стейк, другая за то, что в меню не было указано, что блюдо содержит чеснок. Еще несколько остались недовольны тем, что их заказ слишком долго готовился. Еще один придурок предпринимал попытки познакомиться со мной.

Последнее, наверное, будет частым явлением с таким дресс-кодом, как тут. На мне короткие шорты и топ, оголяющий пупок. А с фигурой у меня полный порядок. Как говорит Арина, есть, на что посмотреть и за что подержаться. Но знакомства с парнями — это последнее, что меня сейчас интересует.

В дом Громовых я приползаю совсем без сил в 11 вечера. Внизу нигде свет не горит, наверху тоже. Нет никого, что ли? Однако когда я поднимаюсь на второй этаж, под дверью комнаты Данила замечаю щелку света. Тут, значит. Ну ладно. Надеюсь, мне не придется с ним видеться.

Не знаю, сколько времени я провожу в ванне с пеной. Горячая вода и ароматические свечи так меня расслабили, что я готова уснуть прямо в воде. Тщательно вытеревшись полотенцем и переодевшись в любимую пижаму, бреду до кровати, как вдруг замечаю в гардеробе вещь лилового цвета.

То самое платье. Когда мы вернулись из салона, я закрылась в своей комнате и не выходила до конца дня. Пакет с нарядом остался у Данила. И вот сейчас это платье висит на вешалке в моей гардеробной рядом с другими платьями.

Он заходил в мою комнату, пока меня не было? Внутри тут же вспыхивает возмущение. Да как он посмел! Да, это его дом, и теоретически Данил может заходить в любую комнату, какую захочет, но... А если он шарил по моим вещам? По моим ящикам?

Срываю платье с вешалки и стремительно направляюсь на

выход из спальни. Но не успеваю я занести руку над дверью Данила, чтобы постучать, как тут же замираю.

Потому что слышу его голос и следом женский смех.

Прислушиваюсь. Он что-то тихо говорит, слов не разобрать, а женский голос продолжает смеяться.

Данил снова неразборчиво отвечает, а она смеется еще громче. Затем все звуки резко затихают.

Я стою у его двери, словно пришибленная. Сейчас настолько тихо, что я слышу собственное дыхание. Что они там делают? Целуются? Он притащил в дом какую-то девку, чтобы целоваться с ней через стенку от меня? И только ли целоваться или ночью я буду слушать музыкальную композицию из их стонов и охов?

Нервно сглатываю и возвращаюсь к себе. Сажусь на кровать. Сминая в пальцах нежную ткань платья, судорожно думаю.

Нет, ну это нормально? Данила не смущает, что у него за стенкой находится посторонний человек? И тот факт, что это его дом, — не оправдание. Он должен понимать, что живет тут не один.

«Все твои свидания за пределами моей территории», — сказал мне Данил в нашу первую встречу на юбилее его отца, когда запретил приводить в дом парней.

Значит, ему можно девушек сюда приводить, а я не могу пригласить в гости парня? Видите ли, он мне не разрешил!

Да щас.

Решительно встаю на ноги и направляюсь обратно в коридор. У двери Данила несколько секунд мешкаю, но все же заношу кулак и громко стучу.

Глава 13.

За те несколько секунд, что Данил громко шагает до двери, я успеваю пожалеть о содеянном, передумать жалеть и снова пожалеть. Даже возникает мысль забежать в свою комнату и сделать вид, что это была не я.

Но поздно что-либо предпринимать, потому что дверь распахивается и на пороге возникает Данил. На нем одни спортивные штаны серого цвета, и я вдруг зависаю рассматривая его сильный торс.

— Привет, — прерывает затянувшуюся между нами паузу.

— Привет, — отмираю и быстро перевожу взгляд с кубиков его пресса на лицо. — Мне не нужно это платье, забери его себе, — сую Данилу в руки, и ему ничего не остается, кроме как принять. — А лучше подари его своей подружке, которая у тебя сейчас в гостях. И знаешь, что? Если я захочу, то приведу к себе парня. В конце концов, это дом твоего папы, а не твой, а Сергей Юрьевич не запрещал мне приводить парней. И, кстати, твоя подружка слишком громко смеется и мешает мне спать. Попроси ее делать это потише! — я выпаливаю всё разом и перевожу дыхание.

Фух.

Лицо Данила из невозмутимого превращается в насмешливое. Брови ползут вверх, губы расплываются в хитренькой

улыбочке.

— Маша, ты не заболела? — опускает ладонь мне на лоб.
— Нет, не горячий. — Убирает руку. — Но в любом случае ты бредишь, потому что у меня нет никакой девушки в гостях.

— Как это нет? — упираю руки в боки. — Я слышала сейчас женский смех в твоей комнате.

— Я фильм смотрю. Это там смеялись.

— Я слышала твой голос и женский смех! Не надо делать из меня дуру.

— Если ты мне не веришь, можешь проверить, — и Данил распахивает дверь.

Машинально перевожу взгляд за его спину и действительно не вижу в комнате девушки. На смятой кровати лежит ноутбук.

Наверняка попросил ее спрятаться.

Отпихиваю Данила и прохожу в его спальню. Я никогда раньше не была в этой комнате, когда мы с Данилом были друзьями, он спал на третьем этаже. Размеры его новой комнаты сопоставимы с моей, вот только тут нет ванной и гардеробной.

Я придирчиво осматриваю каждый угол в поисках посторонней девушки.

— Можешь еще заглянуть под кровать и проверить в шкафу, — дает мне подсказку.

— Обязательно.

Я подхожу к кровати и наклоняюсь. Моему взору открывается толстый слой пыли. Я сразу поняла, что горничные в доме Громовых работают «на отвали». Распахиваю дверцы шкафа. Одежда аккуратно висит на вешалках, признаков посторонней девушки тоже нет. Но я ведь не сумасшедшая, я точно слышала женский смех и не из динамиков компьютера. Может, она на балконе? Иду туда. Тоже пусто.

И только в этот момент я понимаю, что выгляжу, как ревнивая жена, которая пытается отыскать у мужа любовницу.

Боже, какой позор. Я что, действительно сейчас заглядывала под кровать и в шкаф Данила в поисках посторонней девушки?

Маша, ты в своем уме!?

В растерянности возвращаюсь обратно в комнату и стою перед Данилом, потупив взгляд.

— Ну что? Нашла у меня девушку? — тихо смеется.

— Слушай, я пойду к себе. Извини, что помешала смотреть фильм. Но сделай, пожалуйста, потише.

Рассматривая свои розовые тапочки я дохожу до дверного проема, в котором продолжает стоять Данил.

— Пропусти.

— Выход платный.

Резко вздергиваю голову. На его лице все еще насмешательское выражение. Стоит, привалившись к косяку и скрестив на груди руки с зажатым в них платьем.

— Сколько с меня?

Поразительно, если Данил всерьез решит брать с меня деньги. Они у меня есть, я заработала хорошие чаевые, но как-то не рассчитывала отдавать их все Данилу.

— Честно ответить на парочку моих вопросов.

— То есть, выход не за деньги?

— Нет, конечно. Зачем мне от тебя деньги?

— Ну ладно. Что за вопросы?

На самом деле мне это не нравится. К тому же я необдуманно заявила к нему в комнату в своей любимой пижаме. Данил меня уже один раз в ней видел, но ни к чему ходить в ней перед ним часто.

— Первый вопрос: где ты сегодня была?

Быстро соображаю, что ответить.

— Эм, провела день с Ариной.

— Вранье.

Я в недоумении замолкаю. Сейчас выражение его лица стала серьезным, насмешку, как рукой сняло.

— Я целый день была со своей лучшей подругой Ариной. Помнишь ее?

— Помню. Но день ты провела не с ней.

— Не хочешь — не верь, — безразлично пожимаю плечами.

— Твоя Арина сегодня целый день постила фотографии из Испании. Ты была сегодня в Испании?

— Что? — восклицаю. — Откуда ты знаешь?

— Посмотрел ее Инстаграм.

— Какого фига ты смотришь инстаграм моей подруги?

— Тебя целый день не было дома, я решил посмотреть по соцсетям, где ты. У тебя не было новых фотографий, а у твоей подруги фотосессия в режиме реального времени из Испании.

У меня отвисает челюсть. Я просто стою в ступоре и не знаю, как реагировать на услышанное.

— Так где ты была целый день? — повторяет вопрос, и на этот раз в его голосе слышится строгость.

— Какая тебе разница, где я была?

— Сейчас ты отвечаешь на мои вопросы, а не я на твои.

— Данил, пропусти меня.

Мне надоело играть в эту дурацкую игру. Что еще за платный выход из его комнаты? Но Данил стоит, как скала, и не собирается исчезать с прохода.

— Пропусти, я хочу спать! — порываюсь пройти, но он закрывает путь.

Черт возьми, я устала, как собака, а завтра мне снова на работу!

— Я же сказал, выход платный.

— Данил, я не буду отвечать на твои вопросы. Уже поздно, я хочу спать.

— Я никуда не уйду.

Бесполезно спорить. Разворачиваюсь и направляюсь на балкон, но у входа в свою комнату останавливаюсь с обреченным вздохом. Я не открывала дверь. Делать нечего, при-

дется проходить через Данила.

Возвращаюсь обратно. Он все так же стоит в проходе и никуда не собирается.

— Отвечаешь, и я тебя выпускаю. У меня всего два вопроса к тебе, один ты уже слышала.

Я не собираюсь ни о чем с ним честно говорить.

— Я хочу спать, — повторяю.

— Ответь на мои вопросы и иди спать.

Нет, ну это уму непостижимо. Отворачиваюсь в сторону и оказываюсь лицом к кровати Данила. В голову закрадывается сумасшедшая мысль.

— Ну раз ты не даешь мне уйти спать в свою кровать, — дерзко заявляю. — Значит, я лягу спать в твою.

И под его опешивший взгляд я убираю с кровати ноутбук, на экране которого действительно стоит фильм на паузе, отбрасываю в сторону покрывало и забираюсь под одеяло.

— Выключи свет, пожалуйста, раз ты стоишь у выключателя, — прошу Данила, зевая и поудобнее устраиваясь на подушке.

Вопрос, а где спать ляжет Данил, в мою голову приходит уже после того, как я укрываюсь одеялом. Он все еще не выключил свет, наверняка стоит в шоке и не знает, как реагировать. А я тем временем судорожно соображаю, что делать, если Данил пойдет на принцип и уляжется на вторую половину кровати.

Свет гаснет. Дверь в комнату закрывается. Щёлкает за-

мок, а вместе с ним вздрагивает мое сердце.

Неторопливые шаги направляются в мою сторону. Данил открывает дверцу шкафа и, по всей видимости, вешает туда платье. Затем поднимает с пола ноутбук и обходит кровать.

Мамочки, пускай он его просто выключит и уйдёт в другую комнату. В любую. Да хоть в мою!

Но Громов плюхается на кровать в полуметре от меня и укладывает компьютер на колени.

— Спокойной ночи, Маш, — невозмутимо произносит.
— Я надену наушники. Свет от экрана же тебе не мешает?
Тяжело сглатываю.

— А где ты будешь спать? — осторожно уточняю, подтягивая одеяло повыше к подбородку.

— Здесь, где же мне еще спать?

— Кхм, но тут сплю я...

— Потеснимся.

Что-то меня подбешивает его нарочитое спокойствие. Ведёт себя, как будто мы с ним в одной постели — это что-то само собой разумеющееся.

— Я тогда пойду к себе, — отбрасываю одеяло и встаю.

— Иди, — прилетает мне в спину.

Дергаю дверную ручку, а она не открывается. Пробую еще раз.

— Я не могу открыть дверь.

— Так я же сказал, выход платный.

Со всей силы хватаюсь за нее и начинаю резко дергать, на-

деясь, сломать замок. Но не тут-то было! В доме Громовых все сделано по самому высшему качеству. Бросаю эту затею и разворачиваюсь к Данилу. Он продолжает невозмутимо лежать с ноутом на коленях и что-то печатать на клавиатуре, не обращая никакого внимания на мои попытки выбраться из его комнаты.

— Я сейчас эту дверь выбью, — зло шиплю,

— Подожди, я сниму ТикТок, — и тянется за телефоном к тумбочке со своей стороны. Быстро бьет пальцем по экрану, наводит на меня айфон и командует: — давай, я начал снимать.

Да он меня троллит!

В жилах закипает злость.

— Ты меня бесишь, — цежу сквозь зубы.

— Спасибо, я стараюсь.

Я иду ва-банк: возвращаюсь обратно в кровать. Данил наконец-то перестает меня снимать и откладывает телефон. Теперь еще наверняка будет шантажировать меня этим видео, где я в пижаме.

Мне ничего не остается, кроме как повернуться к Данилу спиной и попытаться уснуть. Я должна успокоиться и наконец-то погрузиться в царство Морфея, ведь завтра снова на работу. Но ситуация, которая сейчас складывается — пипец странная. Мы не спали на одном предмете мебели, даже когда были друзьями.

За спиной слышится возня. Данил выдвигает ящик тум-

бочки, судя по звукам, что-то достаёт оттуда. Слегка поворачиваю к нему шею, чтобы посмотреть. Наушники. Будет продолжать смотреть фильм, значит. Ну ладно.

Я устраиваюсь на подушке поудобнее и закрываю глаза. Легкие уже давно наполнились запахом Данила: тут вся постель им пропитана. На удивление меня это не раздражает. Наоборот, даже, черт возьми, нравится. Он пахнет чем-то морским, а я так давно не была на море. После смерти папы мы с мамой не ездили в отпуск. Разве что к бабушке в Рязань.

И я сама не замечаю, как погружаюсь в сон.

Я просыпаюсь от того, что на меня давит тяжесть. Разлепляю веки и не сразу понимаю, где нахожусь. Но когда в нос ударяет запах морского бриза, все становится на свои места. Перепалка с Данилом, его платный выход и одна постель на двоих. А тяжесть, которая на меня давит, это...

Черт, это его рука!

Мать божья, Данил обнял меня во сне. Его рука перекинута через мою талию, а сам он сопит мне в затылок. Я даже чувствую, как шевелятся мои волосы от его дыхания.

Мы что, всю ночь так спали? Он меня всю ночь обнимал?

Паническая волна проходит по мне с головы до пят. И я даже не знаю, что более ужасно: то, что Данил меня обнимает, или то, что мне надо как-то выбраться из объятий парня, при этом не разбудив его.

Часы на стене показывают девять утра. У меня не так уж и много времени, учитывая, что до работы добираться пол-

тора часа. Я перевожу взгляд на дверь и вспоминаю, что он закрыл ее на замок. Уже не боясь разбудить Данила, обреченно стону в подушку. Я не смогу отсюда выйти, если он не откроет. Разве что решусь прыгнуть с балкона.

Несколько минут лежу неподвижно, продолжая ощущать дыхание парня в своих волосах. Буря возмущения в груди постепенно утихомиривается, и я прихожу к выводу, что Данила нужно просто нормально попросить выпустить меня отсюда. Может, даже и ответить на его вопросы, хотя я не хочу, чтобы в этом доме кто-то знал, что я работаю.

Я осторожно переворачиваюсь лицом к парню. Он даже не почувствовал моего движения и продолжает так же крепко спать, закинув на меня руку. Сейчас у меня есть возможность вдоволь насмотреться на Данила, не боясь быть пойманной за этим занятием.

Это уже не тот мальчишка, с которым я каталась на велосипедах. Это взрослый парень, который наверняка многим девушкам видится привлекательным. Еще бы, с таким-то накачанным телом! В Данила и тогда были влюблены все его подруги, даже Арине он немного нравился, хоть она упорно и отрицала сей факт, а чего уж говорить сейчас, когда он так повзрослел и возмужал.

— Данил, — тихо зову его и слегка трясую за плечо.

Он тут же распахивает глаза и удивленно на меня смотрит. Затем переводит взгляд на свою руку на моей талии. Но

почему-то не убирает ее, а снова возвращается к лицу.

— У тебя тяжелая рука, — замечаю с улыбкой. — И все-таки открой мне, пожалуйста, дверь. Мне кажется, моя мама и твой папа сильно удивятся, если обнаружат нас в одной кровати.

Я говорю это, а сама представляю, как будут выглядеть лица родителей, если это на самом деле произойдет. Почему-то становится смешно.

— Чему ты радуешься?

— Представила лица родителей, если нас застукают. Данил, открой мне дверь.

Он наконец-то убирает с меня свою тяжеленную руку. Переворачивается на другой бок, тянется к стулу и стягивает с его спинки спортивные штаны, в которых был вчера. Я быстро отворачиваюсь, чтобы не смотреть, как Данил их надевает.

Эпичное утро, ничего не скажешь. Мы еще и под одним одеялом спали.

Он подходит к двери и щёлкает замком.

— Обнимать меня было лишним, — бросаю через плечо, когда опускаю дверную ручку.

— Извини, перепутал тебя во сне с другой девушкой.

Его слова настолько неожиданны, что я замираю в дверном проеме.

— Передумала уходить?

Я со всей силы хлопаю дверь и забегаю к себе.

Глава 14.

Перепутал меня с другой девушкой. Ну вы посмотрите на него. Пф, да ну и по фиг. Даже хорошо, что обнял, потому что перепутал. Не хватало еще, чтобы обнимал, потому что я это я.

Мысли хаотично носятся в голове, пока я трясущими-ся руками стягиваю с себя пижаму и джинсы с футболкой. Принимаюсь делать макияж и вдруг вспоминаю, что забыла умыться и почистить зубы. Со злости отшвыриваю в сторону пудру и направляюсь в ванную. Так остервенело тру лицо спонжем с гелем, что рискую разодрать щеки.

«Извини, перепутал тебя во сне с другой девушкой».

До сих пор звенит в ушах.

Да пошел ты, Данил!

И с кем же он меня перепутал, интересно? С Дашей своей, наверное.

Я на таком взводе, что хочется засунуть голову под холодную воду, чтобы остыть, но останавливает лишь то, что некогда сушить волосы. Когда я возвращаюсь в комнату, руки уже не так дрожат. Заставляю себя несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть. Спокойно, Маша. Мало ли что этот идиот тебе сказал.

Да и вообще, не по фиг ли, кого он там планировал обнимать вместо тебя?

Конечно, по фиг.

Сегодня суббота и день на работе очень тяжелый. Клиенты прут с самого момента открытия бара. Я ношусь, как угорелая, между столиками, поднося клиентам то пиво, то бургеры. В какой-то момент я понимаю, что меня начинает мутить от запахов жирного фастфуда.

Отпрашиваюсь на 15 минут у старшей официантки и выхожу на улицу подышать. Огибаю бар и приваливаюсь к стене. Августовский зной сделал воздух тяжелым, а вперемешку с уличной пылью вообще невозможно вдохнуть.

— Вау, какие ноги! — прилетает мне справа.

Поворачиваю на голос голову и вижу перед собой двух парней, гоповатого вида.

— Скучаешь?

— Нет, — буркаю и отворачиваюсь. Пятнадцать минут, блин, не дадут спокойно постоять.

— А мне кажется, что скучаешь, — один из гопников облокачивается рукой на стену в полуметре от меня.

— Когда кажется, креститься надо. Ребят, идите, куда шли, я не собираюсь с вами знакомиться.

— А чо ты такая дерзкая? — произносит второй, подходя ближе.

Возвожу глаза к небу.

— Ребят, ну правда, попробуйте удачу с какой-нибудь другой девушкой.

— А нам ты понравилась.

Я молча разворачиваюсь и хочу вернуться в бар, когда один из гопников преграждает мне путь. Рядом с ним становится второй.

— Ну что вам?

— Познакомиться хотим.

Мне уже становится не по себе. Срежь бела дня ко мне пристають два идиота. И что делать? Кричать? В принципе бар на оживленной улице.

— Маша, все хорошо? — из-за спины гопников показывается бармен Вася.

— Да, Вась, я уже возвращаюсь.

Левые парни тут же рассасываются с дороги, и Вася уводит меня обратно к бару.

— Спасибо тебе, — тихо говорю ему.

— Не за что.

— Ты просто так вышел?

— Говорил по телефону и услышал твой голос.

— Спасибо.

— Как ты себя чувствуешь? — участливо спрашивает.

Мы стоим у двери в бар, гопников в поле моего зрения нет. Вася так по-доброму на меня смотрит, что на душе становится приятно.

— А ты ела? — спрашивает парень.

— Еще нет.

— Хотя бы яблоко съешь. Я положил в холодильник пакет.

Опять он собирается меня подкармливать. Мелочь, а приятно.

— Спасибо, Вась, — снова благодарю. — Пойду съем.

Как только я снова переступаю порог бара, в нос тут же ударяет противный запах жира. Я быстро пересекаю зал и захожу в подсобку для персонала. В холодильнике нахожу большой пакет зеленых яблок, достаю одно, мою в раковине и откусываю, наслаждаясь кисло-сладким вкусом.

— Маш, ну ты скоро? — ко мне вваливается старшая официантка.

— Да, иду.

Быстро доедаю и возвращаюсь в зал. Снова одна клиентка недовольна тем, что вишневое пиво слишком кислое, а другой считает, что ему принесли жесткий стейк. К 10 вечера, когда мне уже пора уходить, я не чувствую ног.

— Маша, зайди ко мне в кабинет, — говорит управляющая Лена в конце моей смены.

Сегодня у меня был последний день испытательного срока. Мне немного страшно, что по каким-то причинам Лена не захочет брать меня в штат. Я осторожно ступаю по деревянному полу ее кабинет и присаживаюсь на краешек стула.

— Ну, ты неплохо работаешь, ребята на тебя не жаловались, посетители тоже, поэтому оформляем.

С плеч падает гора.

— Но есть одна проблема, — продолжает.

Гора на плечах снова вырастает. Ну конечно, не может

быть все идеально.

— Нам по-прежнему не хватает одной официантки в ночную смену, поэтому я все-таки попрошу тебя иногда выходить. По крайней мере, пока мы не найдем еще одного человека.

Я помню, как Вася говорил мне на кухне, что по ночам чаевых еще больше, поэтому с радостью соглашаюсь:

— Да, без проблем!

— Хорошо. Трудовую мы тебе заведем. Можешь идти.

Эта новость — лучшее, что со мной случилось за сегодняшний день. Я забираю из общей копилки свою часть чаевых, переодеваюсь в подсобке в обычную одежду, вызываю такси и почти без сил еду в дом Громовых. Мама мне сегодня писала, что они с Сергеем Юрьевичем заключили договор со свадебным агентством, и она теперь целыми днями занимается подготовкой к торжеству, дата которого, впрочем, до сих пор не определена.

Завтра мне надо будет куда-то с ней ехать дегустировать торты. А потом она хочет в еще один свадебный салон подбирать платье... Надеюсь, Данила с нами не будет.

В особняке Громовых, когда я переступаю его порог, снова гробовая тишина и нигде не горит свет. Несмотря на то, что я целый день дышала запахом жирной еды, я довольно голодна. Вот только ничего жареного в меня сейчас не залезет.

В холодильнике я нахожу листья салата, консервирован-

ный тунец, помидоры черри и сладкий перец, поэтому решаю сделать легкий салат на оливковом масле. Когда я, удобно устроившись на мягком стуле, нанизываю на вилку овощи и отправляю их в рот, со двора доносится звук открывающихся ворот и въезжающего автомобиля, из которого музыка орет так, что слышно даже мне. Это явно Данил.

Музыка вдруг затихает, хлопают двери машины, и я отчетливо слышу голос его подруги Даши:

— Дань, я так хочу тебя.

— Даш, ты немного не в себе, — отвечает ей Данил. — Давай я тебя в комнату отведу.

— В твою? — кокетливо уточняет.

— Для гостей.

Я слышу, как хлопает дверь дома, а затем шаги идут вверх по лестнице. Пьяная Даша еще что-то лепечет, Данил как-то отшучивается, а у меня вдруг пропал аппетит. Интересно, это он с ней меня ночью перепутал?

С Дашей у меня не сложились отношения с первого дня, как Данил нас познакомил. Мы с Громовым ходили в разные школы, и вся его компания — это школьные друзья. Данил учился в еще более пафосном лицее для мажоров, чем я. Даша постоянно воротила от меня нос и могла в моем присутствии спросить Данила, зачем он привел меня с ними играть. Громов меня защищал, а если я хотела уйти, не давал это сделать.

Но все же я не понимала, почему он с ней дружит. А сей-

час, когда Даша превратилась в роковую брюнетку с аппетитными формами, в общем-то, все понятно.

По лестнице снова слышатся шаги, и появляется Данил.

— Привет, — останавливается в дверном проеме.

— Привет, — буркаю, не глядя на него.

— Как дела?

Этот вопрос все-таки вынуждает меня повернуться в его сторону.

— Замечательно.

— Как спалось?

Подкалывает меня?

— Плохо. Ты храпел, — выдумываю на ходу.

Данил в голос смеется. Похоже, что он в очень веселом расположении духа.

— Мне еще никто не жаловался, что я храплю, — произносит, отсмеявшись.

— Даша разве не говорила? — уточняю с издевкой.

— Даша не может этого знать.

— Да неужели?

Данил выгибает вверх правую бровь.

— Ревнуешь?

— Я? Тебя?

— Да, — невозмутимо отвечает.

— Пффф, — теперь моя очередь смеяться. — Больно надо мне тебя ревновать. А вот твоя подруга, кажется, до сих пор ревнует тебя ко мне.

Я вдруг понимаю, что сказала сейчас лишнее. В детстве мы никогда не обсуждали, почему Даша меня не любит, но мне и так была очевидна причина: ей всегда нравился Данил, и она его ко мне ревновала, хотя мы с Грозовым были просто друзьями. Да и что могло между нами быть, когда мне 13 лет, а ему 14? Хотя Даша в те же 14, по-моему, была не против чего-то большего с Данилом.

— Да, Даша до сих пор ревнует меня к тебе, — вдруг говорит серьезно, что снова заставляет меня повернуть голову.

Возникает неловкая пауза. Мы оба произнесли вслух то, о чем думали много лет назад, но упорно молчали.

— Скажи ей, что нет повода, — отвечаю, помедлив. — Мы уже давно не друзья. И скажи, что, когда я к вам спустилась и сказала, что мы живем вместе, это была шутка.

— Они тебе изначально не поверили.

— Ну и прекрасно.

Я вдруг понимаю, что наш диалог с Данилом длится неприлично долго. Когда я сюда переезжала, дала себе твердую установку, что с Грозовым буду максимум здороваться. А сейчас мы с ним разговариваем уже минут пять.

Поднимаюсь с места и принимаюсь убирать посуду. Данил молча за мной наблюдает, что мне очень неприятно.

Вот обязательно так на меня смотреть? Почему бы ему не уйти по своим делам? Например, не провести Дашу, как ей спится в комнате для гостей.

— Чем на меня смотреть, лучше бы сходил проверил, как

там твоя подруга. Вдруг ей холодно без тепла твоего тела.

Произношу это быстрее, чем успеваю подумать. Просто в груди вдруг загорелся огонек злости на Данила. Не знаю, за что.

За все.

— Не думаю, что она замерзнет в августе под одеялом.

— Ну мало ли, вдруг одеяло ее не греет. То ли дело твоя рука, закинутая на талию!

— Тебя согрела? — интересуется с усмешкой.

— Мне она мешала спать! — рявкаю.

— А мне показалось, тебе было уютно.

Да он снова надо мной издевается.

— Тебе показалось.

Данил больше ничего не отвечает, продолжая стоять в дверном проеме, и пристально за мной наблюдая. Вытерев руки полотенцем, я иду к выходу из кухни, но Громов не собирается меня выпускать.

— Снова выход платный?

— Да.

Я фыркаю.

— Почему ты тогда перестала со мной общаться?

Я не сразу понимаю его вопрос.

— Когда тогда?

— Перед моим отъездом в Швейцарию.

Он это серьезно спрашивает или прикалывается?

Я молчу, не зная, что ему сказать.

— Перехотела с тобой дружить, — в итоге я решаю ответить честно.

— Из-за чего?

В этот момент со двора слышится звук открывающихся ворот, что означает прибытие мамы и Сергея Юрьевича. Данил на секунду отвлекается, что позволяет мне быстро проскользнуть мимо него. Он не бежит за мной по лестнице, поэтому я без проблем скрываюсь в своей комнате.

Глава 15.

— Хочу с кокосовым кремом! — произносит мама, по-смаковав во рту кусочек торта.

Мы на дегустации для свадьбы. Нам принесли семь кусков тортов с разными начинками: кокосовый «Рафаэлло», ванильный с творожным кремом, красный бархат, йогуртовое суфле, трюфельный, сникерс, морковный и маскарпоне-вый с фруктами. «Нам» — это мне, маме и Данилу.

Он снова увязался со мной и родительницей по свадебным делам. Как будто ему эта свадьба интересна. Как будто у него нет своих личных дел.

— Мам, кокосовый слишком приторный, не всем гостям может понравиться, — отвечаю.

— Да брось, все любят конфеты «Рафаэлло».

— Но не после того, как обожрались основными блюдами и напились водки, — замечает Данил. — Торт же в самом конце будет. Мне кажется, надо что-то нейтральное и легкое.

Да вы только посмотрите на этого эксперта по застольям!

— А какой тогда? — сникает мама.

— Мне понравился маскарпоне-вый с фруктами, — говорю.

— Или маскарпоне-вый, как предлагает Маша, или творожный, — советует Данил.

— Мне ни тот, ни другой не понравились, — воротит нос

мать.

Я закатываю глаза.

— Мам, ты все равно не будешь есть ничего, кроме листьев салата, ты же на диете. Торт должен понравиться гостям, а не тебе.

— Это моя свадьба! — взвизгивает. — На ней все будет так, как захочу я! Мне хватило свадьбы с твоим отцом, на которой командовала его мать.

Упоминание о покойной бабушке коробит меня, особенно в присутствии Данила. Я опускаю глаза на кусок торта в своей тарелке, чувствуя на себе внимательный взгляд Громова.

У мамы и бабушки по отцу всегда были плохие отношения. Да, бабушка была очень властной женщиной, но и маму она часто критиковала за дело. Например, что родительница не хочет готовить для мужа и дочки, а ограничивается заказами готовой еды. Мама в свою очередь придумала для свекрови прозвище «свекрыса» и только так ее и называла.

— Анжела Борисовна, вы, наверное, не знаете, что у моего папы аллергия на орехи, — говорит Данил. — Возможно, после шашлыков и коньяка ему будет не до торта, но если он все-таки захочет десерт, то будет крайне огорчен кокосовым кремом.

— Да? У Сережи аллергия на орехи?

— Да.

— Ммм, — мама тут же сникла. — Ну ладно тогда.

А вот сейчас я отчетливо помню, как однажды в детстве

мы с Данилом ели ореховое мороженое у него дома, и Сергей Юрьевич ел его вместе с нами. Я внимательно смотрю на Громова. Парень перехватывает мой взгляд и подмигивает.

— Ну тогда какой? — подводит итог мама. — Творожный? Маскарпоневый?

— Маскарпоневый с фруктами, — опережает меня Данил.

— Хорошо, — соглашается и встает с места, чтобы договориться о деталях с владельцем кондитерской.

— Насколько я помню, ты не любишь маскарпоне, — говорю Данилу.

На его лице изображается удивление.

— Надо же, ты хоть что-то обо мне помнишь.

Не хоть что-то, а много. И даже не много, а все. Я помню о Даниле все. Что чай пьет без сахара, что у него аллергия на цитрусы, что не любит сыр. Любой, включая маскарпоне.

— Можешь считать, что мои вкусы изменились, — поясняет, не дожидаясь от меня ответа.

— Ты даже не притронулся к маскарпоневому торту, — указываю головой на кусок в его тарелке.

Данил шумно выпускает воздух, как человек, которого поймали на лжи и которому больше не отвертеться.

— Тебе понравился маскарпоневый торт? Так радуйся, что на свадьбе будет он.

— Пфф, мне вообще по фиг на эту свадьбу.

— Представь себе, мне тоже. И последнее, о чем я думаю в своей жизни, — это какой там будет торт.

— Зачем тогда поехал с нами на дегустацию? — огрызаюсь.

— Чтобы тебя побесить. Это достаточная причина?

Я не успеваю ответить Данилу, потому что возвращается мама. Мы едем домой на машине Громова. Я снова сижу на заднем сиденье и снова чувствую на себе его взгляд в зеркале.

Пора бы уже вернуться к своей установке не общаться с Данилом, а то в последнее время ни дня не проходит, чтобы я с ним не обмолвилась хотя бы парой слов. А сегодня мы вообще завтракали крайне странной компанией: я, мама, Сергей Юрьевич, Данил и... Даша. Она протрезвела и вела себя, как ни в чем не бывало. Вообще непонятно для чего Данил притащил пьяную подругу спать к нам домой. Отвёз бы ее к ней, насколько я помню, она недалеко живет.

Но самым ужасным было то, что Сергей Юрьевич и мама восприняли ее как девушку Данила. А она еще за столом села рядом с ним и всякий раз старалась будто невзначай прикоснуться. Тошно было смотреть.

В последующие дни я строго следую своей установке не общаться с Грозовым-младшим. Завтракать спускаюсь, когда на кухне уже никого нет, после работы закрываюсь в своей комнате и не выхожу, в выходные дни стараюсь уходить из дома. Благо, Арина вернулась из Испании, и мне есть, с кем проводить время. К тому же совсем скоро начнётся школа, и пора готовиться к учебному году. На накопленные чаевые

я покупаю одежду, обувь, косметику.

Наконец-то выпадает и первая ночная смена. Я уже думала, Елена не предложит мне. Но моя радость тут же улетучивается, когда я понимаю, какой ночью объем работы. Столики битком, бар битком, музыка орет так, что даже невозможно расслышать заказ. В доску пьяные клиенты орут, визжат и гогочут, как животные. Я никогда не была в ночных заведениях и не знаю, норма ли это.

Вдруг вспоминается, как Данил договаривался с друзьями пойти в ночной клуб, когда я к ним спустилась. Интересно, они в итоге сходили? После дегустации тортов я принципиально перестала прислушиваться к звукам за стеной своей комнаты, а шторы плотно задвигала, чтобы даже не замечать лучи света из его спальни. Так что понятия не имею, проводит ли он ночи дома.

В особняк Громовых я приползаю к шести утра. Я не чувствую ног, у меня ноет спина и слипаются глаза. Маме я сказала, что останусь ночевать у Арины, поэтому в дом захожу на цыпочках и даже забираю с собой обувь.

В комнате сбрасываю с плеча тяжёлую сумку с униформой и тру шею. Из-за занавески виднеется красивое рассветное солнце и, несмотря на сумасшедшую усталость, я решаю выйти на балкон, чтобы полюбоваться этой красотой. Открываю дверь и ступаю по кафельному полу, который приятно холодит ступни.

— Где ты была? — раздается грубый голос сзади.

От неожиданности я вздрагиваю и вскрикиваю.

Данил в одних спортивных штанах сидит на плетёном кресле на своей половине балкона. Под глазами темные круги, губы сомкнуты в нитку, как будто он очень зол.

Я настолько не ожидала увидеть его здесь в шесть утра, что теряюсь с ответом.

— Где ты была? — повторяет вопрос.

Он поднимается с кресла и надвигается на меня, как гроза, заставляя инстинктивно вжаться в плетёные перила балкона.

— Я повторяю вопрос, Маша. Где ты была всю ночь?

— Какое твоё дело? — наконец-то отмираю и снова приобретаю возможность говорить.

Громов кладёт руки на перила по бокам от моего тела и склоняется к лицу еще ближе. В голову ни с того ни с сего приходит мысль, что Данил красивый. Я вдруг понимаю, что смотрю на него не как на бывшего друга, которого терпеть не могу, а как на парня, который чертовски хорош собой.

— Где ты была всю ночь? — цедит сквозь зубы.

Пожалуй, я впервые вижу его таким злым.

— Я всю ночь была у своего парня, — отвечаю. — Ты же запретил мне приводить парней в дом. Сказал, что вся моя личная жизнь должна быть за пределами твоей территории. Я соблюдаю установленные тобой правила.

Его лицо становится еще более грозным, хотя куда уж больше.

— Врешь. Нет у тебя никакого парня.

— Я тебе еще в нашу первую встречу сказала, что есть, — ухмыляюсь. — Впрочем, можешь не верить. Мне все равно. Пропусти.

Но он не пропускает.

— Снова выход платный?

— Значит, у тебя есть парень, говоришь?

— Да, и я была всю ночь с ним.

— И ты, конечно же, любишь его и хранишь ему верность.

— Естественно.

Понимающе кивает головой.

— Ну сейчас проверим.

Я и охнуть не успеваю, как Данил сжимает меня в руках и впивается в мои губы поцелуем. Первые несколько секунд я не понимаю, что происходит, поэтому стою, замерев, с широко открытыми глазами. Но когда его язык приоткрывает мои губы и проникает внутрь, а ладонь поднимается вверх по спи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.